

Светлана Зорина

**ВАЛЕСКА,
ВОЕВОДА ЛЕСА**

Оковы долга

Светлана Зорина
Валеска, воевода леса.
Оковы долга

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21575924
ISBN 9785448327308*

Аннотация

Эту историю я придумала когда-то для младшего брата. А потом мне захотелось написать книгу, которую я сама хотела бы прочитать, когда мне было 14 лет, и я записала историю. Говорят, у меня неплохо получилось... Это история про смелость, дружбу, верность и любовь.

Содержание

Эльфийский лес	5
Большие равнины	126
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Валеска, воевода леса

Оковы долга

Светлана Зорина

*Now you all know
The bards and their songs
When hours have gone by
I'll close my eyes
In a world far away
We may meet again
But now hear my song
About the dawn of the night
Let's sing the bards' song
The Blind Guardian – «The Bard Song»*

© Светлана Зорина, 2018

ISBN 978-5-4483-2730-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эльфийский лес

В лесу темнеет быстро – к тому моменту, когда Валеска, окончательно обессилев, присела у корней гигантской ели, сумерки уже сгустились настолько, что на расстоянии вытянутой руки впереди нельзя было четко разглядеть тропу.

«Ну, вот и конец», – подумала она. – «Еще ночь, и я, наверное, умру прямо здесь. Потом мое тело найдут медведи, а потом про меня уже никто и не вспомнит».

Эта мысль показалась Валеске настолько печальной, что она даже всхлипнула, но заплакать всерьез не получилось. Когда тебе пятнадцать лет, и ты пять дней провел один в диком лесу – это уже само по себе сильное приключение, какие уж тут слезы. Кроме того, всерьез поверить в то, что она так и умрет здесь, среди мхов и травы, никем не найденная, не получалось. И очень болела нога.

Валеска осторожно сняла правый сапог с рваной подошвой. Снимать гетры она побоялась – толстая овечья шерсть пропиталась кровью и присохла к ране, которая противно ныла и, кажется, слегка пульсировала.

«Нужен костер», – подумала Валеска и натянула сапог обратно.

Костер разгорался плохо, ползущий по земле ветер так и норовил задуть слабое пламя. Когда же огонь немного окреп и весело захрустел хворостом, Валеска вспомнила, что

у нее совсем не осталось ни воды, ни пищи. Она сжалась в комок, стараясь как можно ближе придвинуться к костру, и подсунула под голову пустой дорожный мешок. Ее бил легкий озноб, но она почти не замечала его. Голова становилась ватной.

«Если я доживу до утра и смогу идти, нужно будет попытаться вернуться назад», – успела подумать Валеска перед тем, как уснуть.

Она спала чутко, то и дело вздрагивая и просыпаясь, не понимая, во сне она вздрагивает или наяву. Кто-то осторожно подошел к ней и ласково погладил по голове. Девочка приоткрыла глаза и увидела лицо склонившейся над ней женщины. У нее было смуглое лицо, длинные темные волосы и раскосые, обрамленные длинными ресницами глаза. Она смотрела на Валеску и печально улыбалась.

– Бедная девочка, – сказала женщина. – Бедная моя малышка.

– Кто ты? – хотела спросить Валеска, но не услышала собственного голоса. «Ага, значит, я сплю!», – подумала она. – «И все это мне снится».

– Да, ты спишь, – женщина снова печально улыбнулась. – Я – Аргуна, живая душа леса. Я пришла помочь тебе.

– Аргуна? Но я так редко и плохо молилась лесным богам, – Валеске стало очень стыдно. Она вспомнила, что в этом году ни разу не принесла к старой иве на Эльфовой поляне ни птичьего корма, ни соли для лосей и оленей. Ар-

гуна снова погладила ее по голове.

– Ты не выбирала свою судьбу, – сказала она. – И я не могу ее изменить. Но я позову на помощь. Спи.

Валеска хотела спросить, кого может богиня позвать на помощь ночью в лесу, но подул ветерок, и она проснулась по-настоящему. Лихорадка усилилась. Чахлый костерок потух, так толком и не разгоревшись.

«Приснилось», – подумала Валеска, – «Никто сюда не придет», – и с этой мыслью она снова задремала.

Через некоторое время ее опять разбудили шаги, голоса и хруст веток. Валеска открыла глаза, огляделась, но все вокруг причудливо плыло, и она так и не смогла понять, проснулась ли она на самом деле, или ей опять снится сон.

Над Валеской склонилось чье-то лицо.

«Откуда столько света и тепла? Кто-то развел огонь?», – хотела спросить она, но не смогла.

Валеска окончательно проснулась, когда уже рассвело. Где-то пели птицы. Ей было тепло и уютно – хотелось лежать так вечно. Чье-то теплое дыхание прошло по щеке, и рядом всхрапнула лошадь.

Лошадь?

Валеска открыла глаза и села. Рядом, действительно, стояла лошадь – серая в яблоках, с белой гривой, очень красивая. Лошадь была привязана за удила к ветке дерева, под которым спала Валеска. Рядом догорал большой костер.

Ее плащ, промокший накануне после купания в болоте,

сушился над огнем, подвешенный за капюшон к длинной палке. Сама Валеска была накрыта другим плащом – тяжелым, подбитым изнутри волчьим мехом. Ее сапоги стояли рядом, порванная подошва на одном из них за ночь была кем-то починена.

Валеска села и откинула плащ – ее раненая нога была аккуратно обернута чистой тряпкой и почти не болела.

Девочка осторожно встала, натянула сапоги и, прихрамывая, прошла по поляне. У костра она обнаружила пустой котелок и медную флягу, на самом дне которой плескалась вода. Ей очень хотелось пить, и, подумав немного, она откупорила флягу и выпила воду. На фляге обнаружился герб – Валеска заметила его не сразу. На гербе был изображен пегас в венке из листьев лавра, и по кругу на горном наречии тянулся девиз: «Смелость и честь».

– Рад видеть, что ты проснулась, – сказал голос за ее спиной. Валеска обернулась, едва не выронив флягу.

Рядом с ней у костра стоял невысокий крепкий мужчина в короткой дорожной куртке и кожаных штанах, заправленных в медвежьи сапоги. У него были длинные русые волосы, собранные в хвост, и загорелое лицо, испещренное мелкими ранними морщинками. Серые глаза мужчины смотрели, слегка прищурившись, как шурятся в яркую солнечную погоду, хотя утро было пасмурное и туманное.

– Инвар! – воскликнула Валеска, и, в три прыжка одолев расстояние между ними, бросилась мужчине на шею. – Ин-

вар, как я рада тебя видеть!

Мужчина немного опешил.

– Ты знаешь меня, девочка? Откуда? – спросил он.

– Инвар, да ты не узнаешь меня! – Валеска отстранилась от него – Это же я, Валеска из Лесного Перевала. Племянница Джеммы.

– Валеска? – Инвар потрясенно оглянулся, как будто искал на поляне еще кого-то, кто смог бы подтвердить ее слова. – Ты? Я никогда бы не подумал... постой, когда мы виделись в последний раз? Два года назад, три? И что ты делаешь здесь, одна, раненая? Кто отпустил тебя? До Лесного Перевала не меньше двух дней пути...

– Я шла за помощью, – сказала Валеска и внезапно разрыдалась. – Ох, Инвар, если бы ты только знал... Если бы ты знал...

– Постой, не плачь, – Инвар обнял ее за плечи и повел обратно к костру. – Сейчас ты поешь и все мне расскажешь. Присядь.

Валеска уселась на землю у костра, Инвар достал из дорожного мешка хлеб, взял котелок, принес воды и стал подкидывать в огонь хворост. Валеска жевала и смотрела на него – Инвар изменился с тех пор, как в последний раз приезжал к ним в Лесной Перевал, но изменился не до неузнаваемости. На его обветренном горными ветрами лице стало больше морщинок, первая седина тронула волосы – но в остальном он остался таким же, каким Валеска

увидела его впервые, когда Инвар приезжал к ним свататься к ее тетке Джемме.

Валеска была еще слишком мала, чтобы хорошо понимать смысл событий тех дней, но она хорошо помнила, как волновалась перед приездом Инвара Джемма. У той из рук все валилось, и по вечерам, уложив Валеску спать, она долго ходила туда-сюда по комнате, как будто думая бесконечно одну и ту же тревожащую ее мысль.

В последний день перед приездом Инвара Валеске долго не спалось – накануне она сильно промочила ноги, охотясь вместе с другими детьми на лесовиков, и теперь ее мучил сильный, не проходящий кашель. Укладывая ее спать, Джемма так сильно натопила печь, что воздух в доме стал тяжелым и горячим, и Валеска, лежа под толстым овечьим одеялом, страдала от духоты и кашляла еще сильнее.

– Выпей это, – Джемма присела на край кровати и протянула ей кружку, полную густой зеленой настойки, пахнувшей травами и лесом. Валеска стала покорно пить. Настойка была горькой и невкусной, но ей не хотелось расстраивать тетку.

Джемма была очень красивой – высокая, стройная, с волосами цвета пшеницы, с глазами цвета свежей травы. Ее все любили и все немного побаивались.

Отец Джеммы, дед Валески, был прежним воеводой Лесного Перевала. Следующим воеводой стал отец Валески. Его

девочка помнила смутно – отец успел побыть воеводой всего два или три года, а потом, той страшной зимой, когда мороз и снежная чума выкосили едва ли не половину населения лесного форта, вместе со своей женой, матерью Валески, буквально за неделю сгорел от лихорадки.

Воеводой стала Джемма. Она же заменила Валеске родителей. Валеска всегда удивлялась, почему Джемма не выйдет замуж – идеи матриархата в лесу было не в ходу. В тот год Джемме исполнилось уже двадцать семь – и она не слишком-то жаловала мужчин, то и дело совершавших робкие попытки заговорить с ней о браке.

– Нет мужчины, за которого я захотела бы замуж, – рассмеялась Джемма, когда Валеска как-то прямо спросила ее об этом. – Хотя я знаю одного. Но он сам не предложит мне стать его женой, так о чем же мне горевать? Да и на кого я оставлю форт?

Валеска нашла ее ответ вполне аргументированным, и тем более ей было странно, что, когда сорока с письмом от Инвара прилетела в форт, Джемма лишилась покоя.

В тот день, когда Валеску разбил страшный кашель, Джемма ходила к лесной ведьме, живущей в нескольких шагах от форта. Ведьме было уже лет сто или даже больше. Никто не помнил – или не знал – ее имени. Большую часть времени она проводила в форте – ходила по домам, беседовала с другими старухами, продавала травы, делала заговоры от детской икоты, мышей под полом и разных хворей.

От ведьмы Джемма вернулась нервная и злая, и, напоив Валеску грудным отваром, и даже не поболтав с ней на ночь, она пожелала ей спокойного сна и ушла в другую комнату, прикрыв за собой дверь.

– Джемма! – крикнула Валеска ей вслед, – Не закрывай дверь! Мне очень жарко!

– Зато к утру пропотеешь, и хворь уйдет, – ответила Джемма из-за стены.

– К утру я задохнусь! – закричала Валеска.

– Ладно, – Джемма приоткрыла дверь в ее комнату, оставив небольшую щелочку. – Спи.

Валеске не спалось. Она долго лежала, разглядывая узоры на гобелене над кроватью, освещенные струившимся сквозь окно лунным светом.

На гобелене была выткана карта страны — Валеска никогда не бывала за пределами леса, но Лесной Перевал стоял на пути из Болот в Равнины, и иногда здесь бывали проездом разные необычные создания и люди. Карту на гобелене Валеска знала почти наизусть: на юго-западе лежали высокие горы, с которых и должен был приехать к ним высокий гость – князь Инвар, хозяин Громовых скал и Алмазных вершин; на юге – непроходимые Топи, по которым проходила граница страны.

В центральной части располагались Равнины с их плодородными полями и пашнями. На Равнинах же стояла и столица государства, в которой жил король Марвин Красивый

и все еще многочисленных слуги и фрейлины. За Равнинами начинались Пустоши, испещренные километрами подземных путей и тоннелей.

Джемма говорила, что жизни в Пустошах нет, а есть только множество шахт и рудников, на которых трудятся рабочие, которые добывают руду, золото, уголь и ртуть. Благодаря тому, что Пустоши были огромны, а их недра – неисчерпаемы, королевство было богатым и жило хорошо.

Разглядывая гобелен, Валеска почти задремала, но тут дверь их домика скрипнула, отворилась и тут же захлопнулась.

– Ну и дождь! Не понимаю, за что Аргуна нас так наказывает, – донесся до Валески голос помощника Джеммы, Айриза. Как и все представители его народа, он был невысокий и рыжеволосый, с раскосыми зелеными глазами и почти прозрачной кожей. Говорили, что когда-то эльфы пришли с далеких гор и расселились в лесах, и здесь их были многие тысячи.

Но после Великой войны эльфов стало гораздо меньше, а границы королевства отодвинулись далеко на юг, и люди стали селиться в лесу и искать возможность расположить эльфов к себе.

Они принесли эльфам свои знания об оружии, которым можно победить лесного оборотня, хитрых капканах для ловли зверей, приручении животных – лошадей, овец и коз. В ответ эльфы подарили людям свои знания о врачевании

травмами, земледелии, возможном на глинистых лесных почвах. С тех пор так и повелось, что они жили бок о бок и были этим довольны. Айриз, как и Валеска, лишился родителей рано и воспитывался вместе с отцом Валески и Джеммой, считая себя их родным братом.

– Проходи, садись, – было слышно, как Джемма подвинула к Айризу табурет.

– Спасибо, сестра, – Айриз сел, стукнув ножками табурета. – Как твое настроение перед завтрашним днем?

– Ужасно, – ответила Джемма. – Я в такой панике, которой не знала никогда.

– Что говорит твой ум?

– Ум молчит. Впервые в жизни.

– А сердце? Что говорит твое сердце?

– А слушать свое сердце я боюсь, – ответила Джемма и странно усмехнулась.

– Какими же речами твое сердце пугает тебя?

– Оно говорит мне, что я должна буду согласиться на его предложение.

– Чем же это плохо? Все мы знаем Инвара с детства. Он был достойным юношей, и, я уверен, стал достойным мужчиной и князем.

– Ты знаешь традиции горных стражей. Женщины, которых они берут в жены, должны навсегда покинуть свой дом и последовать за мужем везде, куда бы он ни пошел.

– Ты не хотела бы последовать за Инваром?

– К сожалению и ужасу для себя, хотела бы.

– Тогда в чем же дело?

– Я знаю и наши традиции. Воевода не может оставить форт, пока жив и силен.

Но воеводами никогда раньше не становились женщины. Женщина в тебе борется с воеводой, сестра.

– Женщина во мне знает, что такое чувство долга, Айриз. Они замолчали.

– Послушай, Джемма, – заговорил снова Айриз. – Больше всего в этой жизни я хотел бы видеть свою сестру счастливой. Если ты примешь предложение Инвара, ты можешь передать должность воеводы кому-то из своих приближенных.

– Ах, Айриз, – Джемма глубоко вздохнула. – Я даже думать об этом не могу. Никогда еще воевода не бросал своего поста. Не мы установили эти традиции, и не нам менять их. Я была у лесной ведьмы. Она сказала мне, что мы с Инваром никогда не будем счастливы.

– Стоит ли верить предсказаниям этой умалишенной? – раздраженно спросил Айриз. – Она выводила мне бородавки дохлыми жабами, когда я был ребенком.

– Но ведь бородавки прошли? Кроме того, – Джемма понизила голос, – Подумай о Валеске. Она должна унаследовать мой пост. Я не вправе решать ее судьбу. Если уеду я, то мне придется забрать ее с собой. От моего решения зависит слишком много. Я молю богов о том, чтобы завтра, когда Инвар приедет сюда, я взглянула бы на него и поняла, что

мое сердце не замирает, как раньше, когда мы были детьми.

– Я буду молить богов за тебя, – сказал Айриз. — Пусть они укажут тебе, какое решение будет наиболее верным.

Валеска слушала их разговор и медленно покрывалась холодным потом. Хотя, возможно, это жара в комнате заставила ее пропотеть, как и говорила тетка. Джемма может покинуть Лесной перевал? Забрать ее с собой в далекие и неизвестные горы? Какой этот Инвар, захочет ли он, чтобы Джемма взяла с собой Валеску? И как они там живут, в этих своих горах? Что же будет завтра?

Распутывая клубок мыслей, роящихся в ее голове, Валеска уснула только под утро. Поэтому неудивительно, что, проснувшись, она обнаружила, что день давно в разгаре. Быстро одевшись, Валеска выбежала из дома и обнаружила, что обычно людная улица (их дом стоял в самом центре форта) пуста. «Все пропустила!», – подумала девочка и побежала к воротам. Здесь толпился народ; на смотровых башнях по обе стороны от ворот стояли эльфы с горнами. Охотники готовили в стороне у гигантского костра туши вепрей, забитых по случаю приезда важных гостей. Джеммы нигде не было, но зато Валеска сразу заметила в толпе двух своих приятелей по играм – близнецов Джана и Джина, которые, пробившись к самым воротам, расположились прямо на земле.

Валеска подошла к ним.

– Мы у тебя под окном кричали-кричали, а ты спишь, как сурок, – сказал ей Джан. – Чуть все не пропустила.

– Я слышал, что Инвар – самый смелый воин у себя в горах, – сказал Джин. – И самый сильный.

– Еще говорят, что он самый красивый, – ввязалась в разговор их старшая сестра, полная девушка с толстой косой до пояса. Валеска не знала ее имени.

– А я слышал, что у Инвара меч из стали, которая бывает только у горцев, – продолжал Джин. – И что он может одним ударом разрубить всадника на две половинки, до самого седла.

– А я слышал, что пегасы, которых разводят в их крепости, могут ударом копыта убить медведя.

– А я...

– Летят! – закричал кто-то в толпе.

Дружно запели горны; ворота распахнулись, и все увидели, как из леса появляется удивительная процессия. Ее участники не ехали, а парили над землей на причудливых крылатых лошадях. Эти лошади были почти вдвое крупнее и выше обычных; шерсть их сверкала на солнце, как начищенное серебро.

Голову лошади, идущей впереди, украшал сверкающий стальной шлем, а воин, сидящий на ней, был так красив, что все женщины на площади восхищенно вздохнули. У него были пепельно-русые волосы, отливающие серебром, длиной до пояса, на нем были одежды из тончайшей светлой кожи,

а на поясе висел меч в гравированных ножнах. Таких мечей в лесу никто никогда не видел. Лицо воина было почти коричневым от яркого горного солнца, и потому на нем ярко выделялись светлые глаза. За удивительным всадником следовали еще десять – и каждый был статен и красив, каждый правил удивительной крылатой лошадью.

Пока все заморожено смотрели на крылатую конницу, горны снова запели. Все обернулись и увидели Джемму. В зеленом бархатном платье, с распущенными волосами, с коротким мечом у бедра, Джемма сидела на рыжей лошади, которую вели под уздцы ее подруги. Процессии двигались друг другу на встречу, и Валеска запомнила этот момент на всю жизнь – и Инвар, и ее тетка были настолько прекрасны, что не верилось, что всего несколько часов назад Джемма жаловалась Айризу на то, что ее ждет мучительный выбор. Казалось, исход этого выбора ясен – Джемма и Инвар просто обязаны были справить свадьбу.

Инвар и его всадники въехали в город. Проезжая сквозь ворота, каждый из них склонил голову и приложил правую руку к сердцу, выражая свое расположение местным жителям. Девушки подвели лошадь, на которой сидела Джемма, к центру площади, и процессии остановились друг напротив друга.

– Приветствую тебя, князь Инвар, хозяин Громовых скал и Алмазных вершин, – сказала Джемма. Ее голос звучал торжественно и спокойно.

– Приветствую тебя, воевода Джемма, хозяйка Лесного Перевала и Дубовых рощ, – ответил Инвар. Казалось, что он волновался куда сильнее Джеммы.

– Я и мой народ рады приветствовать тебя в своих владениях, – сказала Джемма. – Здесь каждый тебе друг и каждый брат тебе и твоим людям. Ты наш гость, и твои люди наши гости. Спасибо, что нанес нам визит.

– Я и мои люди ценим твое гостеприимство и привезли дары, украшения для женщин и оружие для мужчин. Позволь же спешиться и начать пир.

– Да будет так, – кивнула Джемма, сделав приветственный жест рукой.

Обычный протокол вежливости был совершен, и она соскочила с лошади. Инвар тоже спешился, похлопав пегаса по шее. Оставшись без хозяина, тот стоял, не шевелясь, словно статуя. Воины Инвара тоже сошли с пегасов, завертелась обычная радостная кутерьма, которая всегда сопровождала в Лесном Перевале приезд дорогих гостей. Конюхи отвели пегасов на конный двор, люди Инвара открыли два огромных сундука и весело зазывали людей подходить за гостинцами. Дети с веселыми криками бегали по площади, путаясь в ногах у взрослых. Джин и Джан вместе с другими убежали смотреть пегасов – один из воинов Инвара пообещал, что разрешит каждому посидеть в седле диковиной лошади.

Джемма и Инвар удалились от всех в избу Советов. С ними ушли Айриз и оруженосец горного князя.

Пошатавшись немного по площади, Валеска, снедаемая любопытством, отправилась за ними.

Изба Советов располагалась напротив площади. По сути, это был просто приземистый дом с одной большой комнатой, вдоль стен которой стояли лавки, а по середине – длинный стол. Изба служила для важных сборов всех жителей форта, но между собой вопросы предпочитали решать больше на площади – поэтому обычно она стояла закрытой и открывалась лишь к приезду гостей.

Подойдя к дому, Валеска обнаружила у дверей Айриза и оруженосца Инвара. Оруженосец был крупный невысокий мужик с выгоревшей светлой бородой, из-за которой было сложно определить его возраст. Он весело что-то рассказывал Айризу, тот улыбался в ответ, набивая трубку диким табаком из кисета.

– Я ищу Джемму, – сказала Валеска, подойдя к ним.

– Джемма и господин Инвар разговаривают, велели к ним никого не пускать. Вот, даже нас выгнали, – хохотнул бородатый мужик.

– Ты же понимаешь, дело важное, лишние уши им ни к чему, – сказал Айриз. – Ты бы пошла пока, посмотрела пегасов. Где еще такое увидишь?

– Не хочу, – ответила Валеска. – Я хотела с Джеммой поговорить.

– Поговоришь еще. Скоро стемнеет, начнется праздник, – Айриз посмотрел на розовеющее к вечеру небо.

– Это джеммина племянница? – спросил его оруженосец Инвара.

– Да, это Валеска, – Айриз бросил на нее взгляд и нахмурился. – Ты бы переоделась к вечеру, Валеска. Все-таки, праздник.

– Ну, девочка, поедешь с нами в горы? – весело спросил бородатый мужик. – У нас там ух, как красиво! Тебе понравится! И ребятешек твоего возраста много.

– Я уверена, что понравится, – сказала Валеска и добавила:

– Пойду переоденусь.

Однако переодеваться она не пошла. Обойдя избу, Валеска нашла в траве давно известный ей деревянный чурбачок, который валялся здесь вроде бы просто так, подкатила к стене, и, забравшись на него, осторожно заглянула в окно. Джемма и Инвар стояли у стола друг напротив друга. Инвар о чем-то говорил, Джемма молча слушала, опустив голову. Слов было почти не разобрать.

– Ты знаешь, я никогда не стал бы умолять, Джемма, но сейчас я умоляю тебя, – донеслось до Валески. Джемма что-то ответила, но ответила тихо, и Валеска не услышала, что она сказала.

– Боги! – воскликнул Инвар. – Ты же знаешь, что я люблю тебя. Я могу положить к твоим ногам свои земли, ты будешь

княгиней над ними, будешь править так же, как здесь, но рука об руку со мной! Ты знаешь – я не бросаю слов на ветер.

– Как ты не понимаешь! – воскликнула Джемма. – Я не могу стать владычицей твоей земли, предав этим свою. У меня нет здесь преемника, линия моего отца прерывается мной и Валеской. Что я могу сделать? Предать свой народ ради собственного счастья? Никогда воеводы Лесного Перевала не поступали так!

– Воеводами Лесного Перевала никогда не были женщины, Джемма! – ответил Инвар. – Ты уже нарушила эту традицию, твой народ поймет тебя, и будет радоваться вместе с тобой! Или причина твоего отказа в том, что ты меня больше не любишь? Скажи правду, какой бы она ни была – я уйду, я ни слова тебе не скажу. Но я хочу знать правду.

– Я люблю тебя, – сказала Джемма, подняв глаза. – Ты это знаешь. Но я не могу... я просто не могу, Инвар...

Внезапно Джемма разрыдалась. Это было так неожиданно, что Валеска едва не отшатнулась от окна и с трудом устояла на чурбаке. Она ни разу не видела Джемму плачущей.

Инвар обнял ее, прижал к себе, стал что-то говорить, глядя по волосам – и тут на плечо Валески легла чья-то тяжелая рука. Вздвогнув, она обернулась и увидела бородатого оруженосца Инвара. Теперь тот не улыбался. Его лицо было серьезным и строгим.

– Иди, переоденься, девочка, – сказал он Валеске. – Ты и так много видела. Дай им самим решить. – и продолжил,

будто уже самому себе, а не ей:

– Говорил я Инвару – ничего хорошего из этой поездки не выйдет...

Когда стемнело, на смотровых башнях зажгли факелы, а в центре площади сложили огромный костер, огонь которого поднимался выше крепостной стены. На площади расставили длинные столы, ломившиеся от обилия жареного мяса, печеных овощей и эльфийских настоек, которыми так славились эти места. Вокруг костра танцевали и пели женщины; эльфийские дети заговорами призывали светлячков, чтобы они освещали всем собравшимся пиршество.

Джемма и Инвар сидели во главе стола, рука об руку, и когда Валеска подошла к ним, Джемма жестом пригласила ее садиться рядом. Она была очень спокойна и печальна. Инвар молчал, не глядя на нее.

Валеска не могла выносить этой напряженности, повисшей над ними. Она тихонько потянула Джемму за рукав платья, и, когда та наклонилась к ней, прошептала:

– Джемма, я с радостью поеду с тобой в горы. Мне очень нравится Инвар. Соглашайся, пожалуйста! Я же вижу, что на самом деле ты хочешь согласиться...

В ответ Джемма молча погладила ее по голове. От этого ее жеста Валеска похолодела. Она поняла, что решение Джеммой уже принято – и это решение не в пользу Инвара,

а в пользу Лесного Перевала.

Остальные собравшиеся, казалось, ничего не замечали. Они говорили тосты, пили и смеялись. Валеска сидела, глядя в стол. Осмелившись, наконец, поднять глаза, она встретила взглядом с Инваром. В его глазах была тоска.

Гости должны были пробить в Лесном Перевале ночь и отбыть утром следующего дня. Тогда же, на рассвете, Инвар и Джемма должны были объявить жителям о своем решении – по утрам над воротами должны были вывесить красный флаг (если решение оказалось отрицательным), либо белый флаг (если решение положительное, и стороны договорились). Ближе к полуночи внезапно набежали тучи и пошел дождь. Он усиливался с каждой секундой, и праздник пришлось заканчивать – довольно скомкано.

«Плохой знак», – пробормотала какая-то женщина, проходя мимо Валески.

«Это не знак», – подумала в ответ Валеска, – «Это боги плачут по моей тетке».

Она пришла домой и легла, не раздеваясь, на свою постель. Промокшая одежда неприятно липла к телу, в ней было холодно, но сил раздеться Валеска в себе не находила. Через некоторое время хлопнула входная дверь. Джемма заглянула к ней в комнату, но ничего не сказала. Валеска услышала, как та тоже легла на кровать.

«Так не должно быть!», – думала Валеска. Она никогда раньше не задумывалась о том, что такое любовь. Сейчас же

увидела своими глазами, задумалась и поняла: любовь – это как у Инвара и Джеммы, именно так она и выглядит. Но все всегда говорили ей, что любовь должна быть счастливой. И они могут быть счастливы – ведь они любят друг друга. В чем же тогда дело? Почему так важно для Джеммы это чувство долга, традиции?..

– Джемма, – позвала Валеска.

– Да, – сказала Джемма.

– Можешь ко мне подойти?

Джемма встала с кровати и снова заглянула к ней в комнату.

– Что случилось?

– Полежи со мной, – попросила Валеска.

Поколебавшись несколько секунд, Джемма подошла к Валеске, улеглась с ней рядом и обняла ее. От нее слабо пахло свежей травой.

Они лежали молча. Дождь барабанил по крыше, слышно было, как воркуют и топчутся над головой голуби на чердаке. Валеска сама не заметила, как уснула, и проснулась, когда едва начало светать.

В доме было сыро и холодно – ведь никто не разжигал печь накануне. Валеска встала, засунула ноги в сапоги и вышла в общую комнату. Джеммы не было.

Девочка накинула плащ и вышла на крыльцо. Форт спал, дождь прекратился, и туман пополз по земле. Зябко поежившись, Валеска запахнула плащ и спустилась с крыльца.

Она прошла до площади и обратно, но так никого и не встретила.

Когда Валеска уже собиралась поворачивать обратно, где-то рядом раздался шум мощных крыльев. Она подняла голову – через крепостную стену перемахнул пегас с двумя ездоками. Он мягко приземлился на площади. Инвар спешился и помог спуститься на землю Джемме. Они обнялись и так и остались стоять.

Валеске захотелось подбежать к ним, закричать, сделать что-нибудь, чтобы они перестали грустить и выкинули, наконец, над городом белый флаг. Но вместо этого она тихо попятилась с улицы, чтобы они не заметили ее, и дворами пошла домой.

– Я не думала, что мы опять встретимся, – сказала Валеска Инвару, когда он протянул ей кружку с крепко пахнущим травами кипятком.

– Признаться, я тоже не ожидал тебя снова увидеть, – ответил Инвар. Он, казалось, все еще не мог до конца поверить, что перед ним именно она. – Так что случилось? Почему ты здесь?

– Я... сложно объяснить. Я сбежала, – сказала Валеска и опустила глаза.

– Сбежала? Почему?

– Потому что Джеммы нет, – шепотом сказала Валеска

и закусила губу, чтобы не разрыдаться снова.

– Что?.. – тихо спросил Инвар.

– Чуть меньше месяца назад пришел приказ из столицы о том, что ежегодный смотр лесных земель нужно провести на несколько недель раньше. Я не знаю, почему. Джемма мне не говорила. Она собрала людей, и они ушли в лес. Я больше ничего не знаю. Она должна была вернуться на той неделе, но не вернулась. И потом тоже.

– А ты?..

– А я думала, что, может быть, смогу найти ее.

– Так... – Инвар прошелся вокруг костра, остановился, задумался. – Кто сейчас остался в форте вместо Джеммы?

– Айриз. Она назначила его вместо себя на то время, что ее не будет.

– Айриз... да, я помню его. Думаю, ему сейчас вдвойне нелегко: во-первых, он вынужден в полной неизвестности ожидать Джемму, во-вторых, ты сбежала, и в-третьих, он никогда не руководил никем, кроме группы охотников. Что ж, судьба свела нас не случайно, Валеска.

– Куда ты направлялся?

– К вам в форт. Примерно месяц назад, как ты и говоришь, мне пришло письмо от Джеммы. Она писала, что в лесу что-то происходит, и просила меня прибыть, если я смогу. По правде сказать, я не думал, что она когда-нибудь вообще мне напишет. Думаю, что у нее был очень серьезный повод прервать свое молчание. И поэтому я, конечно же, собрался

и выехал, как только смог. По дороге я послал ей несколько писем: просил дождаться меня и объяснить хотя бы в трех словах, что заставило ее написать мне, но на эти письма ответа я не получил.

– Наверное, эти письма получил Айриз, – кивнула Валеска. – Я знаю, что они приходили, но не спрашивала, от кого.

– Айриз сообщал о том, что происходит, в столицу?

– Да, но ответа пока нет.

– Все это очень странно... – Инвар в задумчивости тер подбородок, глядя куда-то вглубь леса. – Я всерьез обеспокоен. Но давай пока не будем об этом, думаю, приезд в форт расставит все по своим местам и прояснит эту ситуацию. Что с тобой случилось? Откуда эта рана на ноге? Почему ты была мокрая, как мышь?

– Я упала, – сказала Валеска.

– Упала?

– Да. То есть, нет. Сначала я упала в болото, оступилась и провалилась по грудь. Но из болота я вылезла. А потом сапоги промокли, а мне нужно было перелезть через поваленную ель, и я поскользнулась. И напоролась ногой на ветку.

– Как же ты додумалась искать Джемму и сотню ее охотников в полном одиночестве?

– Не знаю, – Валеска опустила голову, чувствуя, что краснеет. Ей-то еще накануне стало понятно, что ее поступок был верхом глупости. – Наверное, от отчаяния.

В это время на поляну вышел еще один человек, одетый

в черный дорожный костюм и высокие сапоги, за спиной его висел колчан со стрелами, а на поясе – меч в костяных ножнах. Незнакомец обладал тем особым телосложением, по которому можно было безошибочно определить эльфа – высокий и стройный, он, тем не менее, выглядел не менее крепким, чем Инвар. У него были черные волосы до плеч и приятное, очень симметричное лицо, по которому также можно было узнать в нем эльфа – зачастую представители этого народа выглядели так, будто их лица и тела любовно вырезал из какого-то дорогого дерева или камня умелый мастер. Валеска узнала его – именно это лицо со слегка вытянутыми к вискам голубыми глазами она видела ночью в полусне склонившимся над ней.

Эльф нес в одной руке лук, а в другой – подстреленного тетерева. Лук у него был не такой, к каким привыкла Валеска – более длинный и изящный, с необычной тетивой, напоминающей толстую струну. В одном ухе эльфа виднелось множество серебряных серег, все они были разные, некоторые – в виде простых колец, а к некоторым были приделаны причудливые серебряные подвески в виде перьев, клыков и когтей.

– Вижу, охота была удачной, Араим, – обратился к эльфу Инвар.

– Да, но пришлось попотеть – я все никак не привыкну охотиться в лесу. Кажется, у меня за пазухой столько хвои и сухих листьев, сколько и под ногами не валяется, – ответил

эльф. – Вижу, наша нечаянная спутница пришла в себя?

– Ты не поверишь, но это племянница Джеммы.

– Вот как? – Араим остановился у костра, бросив тетерева и лук на землю, и протянул Валеске руку в тонкой перчатке, – Меня зовут Араим.

– Валеска, – Валеска пожала его руку. – Вы друг Инвара?

– Араим – мой побратим, – сказал Инвар. – Он князь горных эльфов.

– Правда? Ничего себе! – Валеска уважительно посмотрела на Араима. – Тех самых горных эльфов? Которые никогда не общаются с людьми?

– Эти слухи несколько преувеличены, – мягко улыбнулся Араим. – Надо ощипать и разделать наш завтрак и напоить лошадей. Я нашел неподалеку небольшой ручей.

– Я тоже его нашел, и отвар уже вскипел, – ответил Инвар. – Я займусь лошадьми, если ты не возражаешь. Валеска поведала мне кое-что интересное относительно нашего дела, и мне нужно это обдумать.

– Все так, как ты предполагал? – спросил Араим.

– Кажется, да, и теперь мне по-настоящему беспокойно, – кивнул Инвар.

– Поговорим за едой, – сказал Араим. Видимо, их обоих всерьез волновала тема исчезновения Джеммы и ее письмо, и казалось, что они знают гораздо больше, чем сама Валеска.

Инвар взял под уздцы лошадей, белую в яблоках и черную, и ушел с ними к ручью, а Араим принялся ощипывать

тетерева.

– Может быть, я помогу? – несмело предложила Валеска. Они оба – и Инвар, и Араим, казались ей какими-то небожителями, и она чувствовала себя очень скованно. К тому же, если Инвара она знала хотя бы немного и могла судить о нем по предыдущей их встрече, то Араим был ей совсем незнаком, и она стеснялась его особенно сильно. Он был из горных эльфов, а про этот народ Валеска – да и все жители леса – знала очень мало, и ей казалось, что он непременно должен быть очень высокомерен – по крайней мере, такая о горных эльфах ходила молва. Однако пока Араим не выказывал никакого высокомерия, и тем более было непонятно, как именно нужно с ним общаться.

– Помоги, а то, боюсь, завтракать мы будем ближе к вечеру, – с охотой согласился эльф. – Если честно, я не слишком силен в ощипывании птицы.

– Это не сложно, – со знанием дела сообщила Валеска, забирая у него тетерева, – Гораздо сложнее снимать кожу с лягушек.

– Кожу с лягушек? Зачем это?

– Из нее делают обувь для совсем маленьких детей, – объяснила Валеска.

Лицо Араима выразило целую гамму сложных чувств, но она не увидела этого, склонившись над тетеревом.

– А что такое «побратим»? Ну, Инвар сказал, что вы с ним побратимы.

– Побратим – это... ну как родной брат, только еще ближе, – подумав, ответил Араим.

– Мне казалось, что эльфы не очень-то жалуют людей. По крайней мере, лесные всегда держатся особняком, хотя мы и живем с ними бок о бок.

– Ничего не могу сказать про лесных эльфов, – Араим пожал плечами, – Я плохо знаю их нравы и обычаи. В нашей стране такого нет, просто каждый занимается своим делом. Люди делают свои человеческие дела – разводят пегасов и скот, делают сыр, прядут шерсть, а эльфы в основном заняты науками и служением в храмах. Наш народ – искусные ювелиры и оружейники, астрологи и астрономы, мы ведем летописи.

– А кто добывает руду и драгоценные металлы для ваших мастеров?

– Это делают гномы. Мы с ними тесно связаны, хотя они и живут у подножия гор, а не на вершинах. Они делают быденное оружие и инструменты. А наше искусство – изготовление штучного товара.

– Здорово, – сказала Валеска. Она умела обращаться с дичью, поэтому работа по обработке незадачливого тетерева, который должен был стать их пищей, шла у нее быстро. Кроме того, когда руки оказались заняты работой, и беседу вести ей стало легче.

Из леса вернулся Инвар с лошадьми. Он уселся у костра рядом с ними.

– Вижу, вы нашли общий язык? – спросил он, стараясь придать своему тону веселость, хотя было понятно, что душой он находится глубоко в своих мыслях – и мысли эти невеселые.

– Да, Инвар, но я думаю, тебе не стоит пытаться веселиться, когда хочется быть серьезным, – сказал Араим. – Сколько еще осталось пути до Лесного Перевала?

– Думаю, если мы выйдем в течение часа, то к ночи уже достигнем Дубовой рощи, а там до форта останется не более половины дня пути, – сказал Инвар. – Но чтобы достичь Дубовой рощи сегодня, нам придется ехать весь день, не останавливаясь.

– Я готов, – пожал плечами Араим.

– Валеска, ты умеешь ездить верхом? – спросил Инвар.

Конечно, – Валеске стало даже обидно, что он задает ей такие глупые вопросы. – Но у меня нет лошади.

– Это не проблема. Наши лошади навьючены поклажей, но, думаю, если мы перевесим всю ее на одну, то вторая прекрасно сможет везти двух всадников, тем более, что ты не тяжелая. Я просто волнуюсь, не устанешь ли ты.

– По-моему, у нас есть гораздо более серьезные темы для волнения, – мрачно ответила Валеска, все еще глубоко обиженная такой нелепой заботой о ее благополучии.

– Кажется, гонор – это семейная черта всех воевод Лесного Перевала, – усмехнулся Араим, и Инвар тоже улыбнулся – кажется, совершенно искренне.

Они ехали весь день, и, когда солнце стало клониться к закату, Валеска чувствовала себя такой усталой, что едва не падала с лошади. Все поклажу решено было перевесить на лошадь Инвара, а Араим взял к себе Валеску, посадив ее в седло перед собой. Ехать вдвоем было не слишком-то удобно, но, судя по тому, как часто Инвар, чертыхаясь, отставал, чтобы подправить в очередной раз сползшие тюки и сумки, для него эта поездка тоже не была слишком комфортной.

К счастью, лес редел на глазах, позади оставался основной массив сосен и елей, и им встречалось все больше дубов.

– Если мы хотим остановиться на ночлег, то лучше сделать это здесь, – сказала Валеска Араиму.

– Почему?

– Видишь, впереди два дуба стоят, как арка над дорогой? Это граница Дубовой рощи. В ней самой лучше не оставаться на ночлег. Там кладбище.

– Кладбище? – Араим натянул поводья, и его лошадь перешла на медленный шаг. – Инвар! – крикнул эльф, обернувшись назад. – Валеска говорит, что мы должны остановиться здесь.

– Что случилось? – Инвар подъехал к ним.

– Там кладбище, – повторила Валеска. – В Дубовой роще нельзя ночевать. Нельзя разводить огонь.

– Но мне казалось, кладбище гораздо дальше, – Инвар

удивленно посмотрел на девочку. – Когда мы с Джеммой посещали могилу ее отца, это было почти у границ форта.

– Да, воеводы похоронены недалеко от форта, – кивнула Валеска. – А все остальные – здесь.

– Ох, ну тогда давайте остановимся прямо здесь. Если честно, это кладбище очень кстати. У меня ужасно затекло все тело, – Инвар остановил лошадь и спрыгнул на землю.

Они разбили лагерь недалеко от дороги, с видом на дубовую арку. Араим принялся разводить огонь, Инвар распряг лошадей, а Валеска занялась собиранием грибов на ужин. Пытаться подстрелить какую-нибудь птицу было уже бессмысленно – последние лучи солнца едва освещали лес.

Грибов в роще было много, гораздо больше, чем в тех местах, где Валеска встретила с Инваром и Араимом. Кроме того, здесь почти не было подлеска, и грибы было хорошо видно даже в сумерках – ходи да собирай. Валеска довольно быстро набрала полный котелок хрустящих чернят, которые росли на гнилых пнях и поваленных деревьях. Оставалось найти только подходящие тонкие прутики, чтобы сделать из них шпажки.

– Кто тут шляется? – раздался из-под пня, на который она забралась, чтобы сломать несколько молодых дубовых веток, свистящий шепот. – Кто шляется? Убирайся отсюда, девка!

– А ну цыц! – прикрикнула Валеска, топнув по пню. Оказывается, она с ногами забралась на жилище лесовиков, безобидных, но недружелюбных тварей, которые строили мно-

гокилометровые подземные норы и таскали в них все, что плохо лежит. Ходили слухи, что они могли утащить даже ребенка, но Валеске всегда казалось, что это были только страшилки для того, чтобы малышня не бегала в лес без старших.

– Уходи, ну! – повторил голос, и что-то острое ткнулось Валеске в ногу. Она опустила голову: лесовик, похожий на ожившую корягу, стоял у пня и тыкал в нее заточенной деревянной палкой. – В наш дом влезла!

– Да подожди ты, сейчас уйду! – отмахнувшись от него, Валеска дотянулась до последней нужной ей ветки и надломил ее. Свежая древесина ломалась не слишком легко, и она принялась крутить ветку вокруг места слома, чтобы побыстрее отделить ее от ствола.

– Убьем ее! – проскрипел лесовик, и из-под пня выпал десяток его сородичей. Все вместе они принялись лезть на ноги Валески, пытаясь стянуть ее на землю и тыкая в нее своими палками.

Валеска принялась отмахиваться от лесовиков сорванными ветками, но, не устояв на пне, упала. Падая, она вытянула перед собой руки, чтобы не раздавить подземных жителей, но те оказались совсем не готовы оценить ее благородный порыв: стоило Валеске приземлиться, как один из лесовиков подбежал к ней и стал размахивать палкой у нее перед лицом, пытаясь попасть в глаз.

– Ах вы гадкие! – отмахиваясь от него, Валеска встала и начала стряхивать с себя особенно цепких его сородичей,

повисших на ее штанах и куртке. – Говорю же, уйдите!

Раздался свист, и у ног Валески в землю вошла стрела. Стрекоча и цокая, лесовики побросали свое оружие и бросились врассыпную. Валеска оглянулась – к ней быстро шел Араим с луком в руках.

– Что это были за твари? Они тебя не поранили? – спросил он, подходя и выдергивая из земли стрелу.

– Нет. Спасибо, – Валеска улыбнулась и стала отряхиваться. – Это лесовики. Они не опасные.

– Мы уже почти неделю в этом проклятом лесу, и я ни разу еще не видел ничего подобного, – сказал Араим. – Чего они хотели?

– Я наступила на их дом. Они живут под пнем, – Валеска подобрала с земли сорванные ею ветки и всплеснула руками:

– Подлые деревяшки!

Котелок с грибами лежал на боку, и половина грибов удивительным образом куда-то исчезла.

– Я хотела сделать шпажки для того, чтобы жарить грибы, – объяснила Валеска. – А грибы-то они и унесли. Был полный котелок, а теперь едва ли половина.

Араим поднял котелок с земли и заглянул в него:

– Думаю, на ужин хватит, – сказал он. – Почти стемнело, не стоит бродить тут в темноте.

Рассказ о том, как Валеска сражалась с лесовиками, очень развеселил Инвара.

– Я всегда думал, что в лесу стоит бояться медведя, волков

или оборотней, но никак ни мелких тварей из-под пня. Я даже не знал об их существовании! – сказал он, выслушав девочку.

– Оборотней здесь уже очень давно не видали, – сказала Валеска. – Это уже почти легенда. Даже наши охотники на обходах их не встречают. Медведи есть, но они сами не дураки – к людям не выходят. А что до волков и кабанов – так они в Дубовую рощу не заглядывают. А лесовики везде живут, да. Но они правда безвредные. И от пней далеко не отходят. Поэтому мы никогда не останавливаемся рядом с пнями – к утру либо сапоги украдут, либо нож утащат.

– Кажется, я понял, куда пропал мой кортик, – задумчиво сказал Араим. – Помнишь, тот, что я долго искал после первой ночевки в лесу? А ведь там, на поляне, был пень.

– Хорошо, что не утащили рюкзак с картой и компасом, – согласился Инвар. – А могли бы и его унести. Но он был у меня под головой. А зачем они все это воруют? Зачем им корзинки, кортики и сапоги?

– Никто не знает, – Валеска развела руками. – Как-то раз мы нашли их гнездо на территории форта. Они ведь глупые, не понимают, что там селиться им нельзя. Чтобы их выкурить, развели костер вокруг пня, но гномы не вышли. Тогда выкорчевали пень, а под ним – целый тоннель. Завалили его большим камнем, чтобы они новых ходов не накопили. Говорят, где-то глубоко под землей у них целая страна, где они хранят свои богатства.

– Удивительный все-таки мир лежит у подножия наших гор, – сказал Инвар. – Скажи, Валеска, а почему ты называешь Дубовую рощу кладбищем? Я помню, на могиле твоего деда был большой камень, с выбитым на нем именем, но я прошелся по роще и больше таких камней не увидел.

– Потому что дед был воеводой. Воевод, особенно великих, хоронят так, чтобы потом любой желающий мог найти его могилу, – сказала Валеска. – Воевода ведь охраняет форт и после смерти тоже, когда оказывается в Подлесье вместе с другими великими воинами. А в самой Дубовой роще хоронят обычных людей и эльфов. Их просто закапывают в землю в произвольном месте, и все. Никто не знает, кто где похоронен. Но зато каждый приходит как бы ко всем сразу.

– Удивительно, – сказал Араим.

– У вас по-другому?

– Да, – Инвар доел последний гриб и воткнул шпажку от него в тлеющие угли костра. – Мы не хороним своих мертвых в земле. У нас нет для этого возможности.

– Мы ведь живем на камнях, – добавил Араим.

Пора было ложиться спать. Они расстелили у костра плащи, и Инвар достал из поклажи покрывала. Где-то в чаще запела первая ночная птица, и ее песню сразу подхватили цикады. Инвар сразу уснул, и Араим, вроде бы, тоже, но, когда в кустах поблизости раздался шелест и тихий треск, эльф резко сел.

– Это шишка упала, – сказала Валеска, не открывая глаз. –

Мы спим под лиственницей.

– Я никогда не привыкну к лесу, – сказал Араим и снова лег.

– Послушай, – Валеска повернулась на бок и открыла глаза. – Я хочу спросить. Если вы не хороните своих мертвых, то как же вы поступаете?

Араим помолчал, потом тоже повернулся на бок, лицом к ней.

– Как я и сказал, мы живем на камнях, – сказал он. – Если бы мы и хотели хоронить своих мертвых, как вы, то точно мы не смогли бы их закапывать. Но у нас принято считать, что тело человека – это толькоместилище его духа. Когда дух уходит, тело является только опустевшим сосудом, не более. Наши предки сбрасывали тела умерших в пропасть. Но с приходом к нам людей, мы посчитали уместным перенять некоторые их традиции. Народ Инвара поклоняется огню, и они всегда сжигали тела своих мертвецов, полагая, что, пока сосуд духа существует, дух находится в нем, как в ловушке. Сейчас разница между нами лишь в том, что люди Инвара сжигают тела своих мертвых до захода солнца, а мы – после.

– Почему? – спросила Валеска.

– Потому что наши предки пришли со звезд. Сжигая тела умерших, мы помогаем тем, кто по какой-то причине не смог после смерти освободиться от своего сосуда, вернуться домой.

Валеска перевернулась на спину.

– Но тогда объясни мне, если вы тоскуете по кому-то, кого уже нет, как вы поступаете? Мы приходим на кладбище, а вы?

– А разве на кладбище лежит тот, по кому ты тоскуешь? Он давно уже в Подлесье, как вы называете Следующий мир, а то, что лежит на кладбище – не более, чем пустой старый сосуд, закопанный в землю, – возразил Араим. – Когда мы тоскуем по кому-либо, мы смотрим на звезды. Когда мы видим звезды, это означает, что те, по кому мы тоскуем, смотрят на нас с неба.

– Понятно, – сказала Валеска. Над ними раскинули свои ветви высокие старые деревья, и неба было почти не разглядеть, но несколько звездочек все-таки можно было увидеть сквозь листву. Валеска хотела еще спросить, что делать, если тоскуешь по человеку, о судьбе которого ничего не известно, но кажется, будто он не умер? Однако, пока она пыталась сформулировать вопрос, Араим уже уснул, и Валеска не стала будить его.

С утра все были немного на взводе, и это состояние было легко объяснимо: к обеду они должны были прибыть в форт. В этот раз всю поклажу погрузили на лошадь Араима, а Валеска ехала с Инваром. Лес вокруг стал совсем знакомым и родным, дорога превратилась в широкий и хорошо укатан-

ный тракт, по бокам которого то и дело мелькали разноцветные флажки – метки охотников и ориентиры для путников. Стены форта показались впереди на холме, когда солнце едва прошло через свой зенит.

– Прибыли, – сказал Инвар. Он уже не скрывал своего волнения.

Валеска тоже волновалась, но близость дома вызывала у нее не радость, а смешанную со страхом грусть. Особенно девочка переживала перед встречей с Айризом – она хорошо понимала, что ее бегство, скорее всего, вызвало большой переполох в Лесном Перевале, и, вероятнее всего, всю неделю эльфы рыщут по лесу, пытаясь набрести на ее следы. Вряд ли Айриз и другие жители форта поглядят ее по головке при встрече после всего этого. Второй момент, который очень волновал Валеску, касался Джеммы. Последние пару дней от тягостных мыслей ее отвлекало общение с Инваром и Араимом, но теперь, в родных стенах, беспокойство за судьбу тетки не могло не вернуться.

Когда крепостные ворота открылись, и путники въехали в форт, Валеска поняла, что и он все это время жил ожиданием новостей: на площади собрались не только лесники и ратники, но и женщины, и дети, даже седые старики пришли встречать гостей. К ним вышел Айриз – казалось, за последнюю неделю он состарился на добрый десяток лет.

– Приветствую тебя, Айриз, временный комендант Лесного перевала и всех близлежащих земель, – сказал Инвар,

спешившись и подойдя к эльфу.

– Приветствую вас, Инвар и Араим, хозяева Горных Вершин, – кивнул Айриз, склонив голову. Его взгляд упал на Валеску и он, казалось, только теперь заметил ее. – Простите, я сейчас вернусь к вам.

– Подойди-ка ко мне, – велел эльф Валеске. Они отошли немного в сторону и Айриз, не размахиваясь, ударил Валеску по щеке.

– Я не буду говорить тебе все, что хотел сказать тебе в каждый из прошедших восьми дней, – негромко сказал он, – Никогда бы не подумал, что ты способна на подобную глупость.

Валеска опустила голову. Ее щеки горели, но не от пощечины, которую отвесил ей Айриз, а от стыда. Она знала, что все смотрят на них, и готова была провалиться сквозь землю, лишь бы не ощущать на себе этих взглядов. Особенно стыдно ей было от того, что Инвар и Араим, конечно же, тоже видели унижительное объяснение между ней и эльфом.

– Айриз, я хотела как лучше, – негромко сказала Валеска.

– Не важно, чего ты хотела. Главное, что сделала ты, как хуже. Думаешь, у всех здесь не было других забот, кроме твоих поисков? Отправляйся домой.

Айриз отвернулся, и, давая понять, что разговор окончен, направился обратно к горцам. Валеска смотрела ему вслед и в ее душе что-то закипало. Айриз отчитал ее, как маленькую, дал ей пощечину на глазах у всего Лесного перевала, говорил с ней так, будто она сделала что-то постыдное.

Валеска была согласна, что ее бегство было необдуман- ным и детским поступком, но она также помнила, что со- вершила этот поступок только лишь из благих побуждений. Кроме того, она никогда не видела Айриза таким злым. При Джемме он был совершенно другим – потому что при Джем- ме он в основном соглашался с тем, что говорила она.

В груди у Валески что-то дрогнуло, и она как будто со сто- роны услышала слова, которые сама же и произносила в спи- ну уходящему эльфу:

– При Джемме ты никогда не решился бы поднять на меня руку, Айриз.

Айриз остановился и медленно обернулся.

– Что? – переспросил он.

– Я только хотела сказать, что ты не должен забывать, кто из нас будущий воевода, – проговорила Валеска, но былой уверенности и смелости в самой себе уже не ощущала. Те- перь – она понимала это очень отчетливо – она окончательно уничтожила все хорошее отношение к себе со стороны всех, кто присутствовал на площади, включая Инвара и Араима. Втянув голову в плечи, Валеска быстро повернулась и пошла к дому. Ей казалось, что, если Айриз догонит ее и побьет уже по-настоящему, она даже будет ему благодарна.

Дома было сыро и холодно. Тонкий слой пыли успел лечь на все предметы в комнатах, и Валеска некоторое время не знала, что ей теперь делать. Ей хотелось упасть на кро- вать и заплакать, она даже попыталась сделать это, но лежать

на отсыревшем одеяле было мокро и холодно, и она вышла в сени, набрала дров и стала растапливать печь.

Когда огонь затрещал, закручивая березовую кору на поленьях в веселые завитки, Валеска зажгла лучину и спустилась в подпол. В большой дубовой бочке квасилась под гнетом капуста с яблоками, в углу была свалена картошка. Отправив картошку в горшок, а горшок – в печку, Валеска протерла пыль и уселась за стол. Пустая изба медленно приобретала былое ощущение дома, но Валеска все еще не понимала, что ей делать дальше и как себя вести. Обида и гнев в ее душе понемногу улеглись, оставляя место раскаянию и желанию немедленно загладить свою вину. Но как можно было это сделать? Идти к Айризу мириться в то время, когда он, наверное, вел важные разговоры с Инваром и Араимом, было не лучшей идеей. Ждать вечера тоже не хотелось. Валеска в задумчивости обводила взглядом избу и вдруг увидела нечто, что по какой-то причине не замечала все это время.

У двери, в полутемном углу, где под потолком был прибит к стене деревянный идол – хранитель дома, висела на крючке отрезанная коса Джеммы. Валеска вскочила с лавки, подбежала к ней, взяла в руки – сомнений быть не могло, Джемма отрезала косу и оставила ее в доме перед походом. Это был очень нехороший знак. Древний обычай, испокон веков установившийся в лесу, гласил, что перед лицом серьезной опасности женщины расставались с волосами.

Валеска знала, что в ту страшную зиму, когда от снежной

лихорадки умерли ее родители, ее мать, уже чувствуя приближение конца, отрезала свою косу. Она до сих пор хранилась в сундуке у Джеммы, обернутая в материн шелковый платок. Если в результате опасения не подтверждались, и женщина выживала, косу сжигали в печи, а женщина растила новую – говорили, что она вырастет еще длиннее и краше, чем отрезанная.

Валеска помнила, что тетка уходила в ночь, уложив ее спать. Приказ о том, что смотр земель нужно провести немедленно, сорока принесла в форт с утра, и остаток дня ушел на сборы – в суматохе и беготне Джемма только вечером смогла найти Валеску, которая вместе с другими детьми ловила тритонов в ручье. «Я вернусь через неделю», – сказала тогда Джемма, – «Зато не уйду в поход осенью, как положено, и, может быть, буду дома и схожу с тобой на ярмарку». Обычно обход земель приходился как раз на дни праздника урожая, и Валеска каждый год переживала, что этот семейный праздник она из года в год встречает с Айризом.

Тогда она обрадовалась, что осенью в праздничные дни они будут вместе с теткой... Схватив косу, Валеска выбежала из дома и побежала к муниципалитету.

Когда она ворвалась в избу, Айриз, Инвар и Араим стояли, склонившись над столом, на котором была развернута карта леса. Вокруг карты были разложены письма в форт –

из столицы и те, что писал Инвар – и письма из форта, которые успела отправить ему Джемма.

– Послушайте! – закричала Валеска, ввалившись в комнату, – Послушайте! Джемма отрезала перед походом косу!

– Что? – переспросил Инвар.

– Это уже ни в какие ворота... – начал говорить Айриз, но осекся. – Отрезала косу?!

– Да! Вот она, – Валеска положила на стол косу Джеммы.

– Что это значит? – встревожено спросил Инвар.

– Похоже, это значит, что она... она шла на смерть, если тебе нужно буквальное значение, – сказал Айриз.

– Шла на смерть?!

– Это традиция. Дань богам. Но я не знал, что Джемма это сделала. Когда мы прощались, она была в плаще с капюшоном, я просто не видел...

– Получается, Джемма что-то знала? – вступил в разговор Араим. – Она предчувствовала, что этот поход может кончиться плохо?

– Так, давайте еще раз, – Инвар обошел стол по кругу и взял в руки письмо с красным гербом в виде двух мечей, перекрещенных на фоне щита. – Это письмо из столицы. Оно пришло месяц назад, перед тем, как Джемма и ее люди покинули форт.

– Да, – сказал Айриз.

– Здесь написано только «Милостью его королевского величества короля Марвина Красивого повелеваем вам со-

вершить ежегодный обход вверенных вам лесных владений в срочном порядке, не дожидаясь обычного срока», так?

– Да.

– В тот же день она пишет письмо мне и просит прибыть в форт, так?

– Да.

– Ночью этого же дня она собирает людей и уходит.

– Да.

– Она получала другие письма? Что могло натолкнуть ее на мысль о том, что этот поход может быть опасен?

– Нет. Никаких других писем не было, – покачал головой Айриз.

– Тогда я ничего не понимаю, – сказал Инвар.

– Стойте, – Валеска тоже подошла к столу. – Я знаю. Она ходила к ведьме, которая живет за стенами форта.

– К ведьме? – переспросил Инвар.

– Да, у нас есть тут одна сумасшедшая старуха, – Айриз скорчил гримасу. – Почему-то Джемма любила с ней советоваться.

– Между прочим, эта старуха всегда говорила ей правду, – сказала Валеска.

– Умоляю тебя...

– Послушайте, я знаю свою тетку. Ее сложно было напугать. Если она послушала эту ведьму, значит, у нее были веские на то основания. Мы можем пойти к ведьме и узнать у нее, что именно она сказала Джемме в тот день.

– Как нам это поможет? – не уступал Айриз. Валеска вдруг поймала себя на мысли, что, несмотря на общий драматизм ситуации, она рада тому, что никто не вспоминает ее некрасивое выступление утром на площади.

– Валеска говорит дельные вещи, – заметил Инвар. – Я пойду к ведьме прямо сейчас.

– Уже темнеет, вряд ли она примет тебя. Старуха рано ложится, – сказал Айриз.

– Я поговорю с ней так, что ей придется принять меня, – ответил Инвар и вышел из комнаты.

– Араим, может быть, вы пока отдохнете? – помолчав, обратился к горному эльфу Айриз, – Я могу отдать приказ, чтобы натопили баню.

– Да, это не было бы лишним, – кивнул Араим.

– Где вы предпочли бы ночевать? Любой дом к вашим услугам.

– Мне абсолютно все равно. Я могу заночевать и на конюшне.

– У нас не принято, чтобы гости ночевали на конюшне, – желая показать себя гостеприимной хозяйкой, сказала Валеска. – Наши воеводы считают своим долгом пригласить гостей к себе. Поэтому я пойду и приготовлю ужин к моменту вашего с Инваром прихода в мой дом.

– Спасибо, – улыбнулся Араим. Айриз глубоко вздохнул.

Валеска пришла домой и как раз успела спасти из печи сварившуюся картошку, которая еще через десять минут

рисковала превратиться в картофельное пюре. В их с Джеммой доме было всего две кровати, и она решила, что сама ляжет спать на полу, уступив их гостям. Однако, никакой еды, кроме квашеной капусты и вареной картошки, в доме не было, и Валеска пошла к соседке. Та то ли не была утром на площади, то ли не посчитала валескино поведение постыдным, но без лишних разговоров выдала ей кринку молока, немного масла и несколько куриных яиц. Довольная, Валеска принесла все домой и поставила на стол. Первым пришел Араим. Одна из женщин забрала его одежду, чтобы постирать ее и немного подлатать после долгого пути через чащу, и Араим надел охотничий костюм лесных эльфов, который оказался несколько узок для него в плечах и коротковат в рукавах.

– Спасибо за гостеприимство, – сказал Араим, садясь за стол.

– Если честно, то после того, что случилось сегодня утром, мне больше всего хочется вообще не жить, – вздохнула Валеска. – Это было очень глупо.

– Мне твое поведение не показалось таким уж из ряда вон выходящим. Конечно, ты была не права, что сбежала, но ты ведь и сама уже все осознала. Нужно иметь силу духа, чтобы признаться в своих ошибках. Айриз был не прав, что унизил тебя на глазах у других людей. Я знаю только одно: в твоём возрасте лучше взбрыкнуть в ответ на несправедливость по отношению к себе, чем молча проглотить ее.

– Спасибо, – Валеска села за стол напротив него. – Не знаю, что на меня нашло. Интересно, когда вернется Инвар?

– Думаю, что скоро, – сказал Араим. – Единственное, что меня волнует – это то, что ему придется ночевать в этом доме, в доме Джеммы. Думаю, что это может быть тяжело для него.

В это время в дверь ввалился Инвар. Судя по его виду, ему было не до сантиментов относительно того, в чьем доме он ночует – Инвар был взбешен.

– Вы должны пойти со мной, – тяжело дыша, сказал он.

– Безусловно, мы пойдем с тобой, но что случилось? – спросил Араим.

– Ведьма сказала, что я должен привести вас, только тогда она будет говорить. Она сказала «Ты пришел сюда не один, приведи сюда второго и Валеску». Черт знает, откуда она об этом прознала...

– Возможно, потому что она ведьма? – пожал плечами Араим. – Пошли.

Они взяли факелы и пешком вышли за ворота форта. Ведьмина изба была перекошена до такой степени, что подходить к ней было страшно – казалось, задень случайно рукой прогнившие бревна – и вся конструкция рухнет, похоронив тебя под собою. Крыша в одном месте сползла почти до земли, а сам дом настолько врос в землю, что для того, чтобы дверь можно было открыть, перед крыльцом была вы-

рыта небольшая канава.

Инвар спрыгнул в канаву и потянул дверь на себя. Та поддавалась неохотно, проржавевшие петли почти отвалились от дверной проймы. Нагнувшись – иначе в низкий проем протиснуться было нельзя – они вошли в избу.

Внутри было полутемно, только одинокая лучина горела в дальнем углу. В доме ведьмы воняло, и этот запах – смесь гниющих овощей, мочи, грязного человеческого тела и чего-то еще, сладковато-приторного, поначалу так шибал в нос, что темнело в глазах. За спиной Валески Араим негромко чертыхнулся, быстро открыл со скрипом захлопнувшуюся за ними дверь и подпер ее один из березовых поленьев, которые, видимо, были предназначены на растопку, но в беспорядке валялись под ногами.

Ведьма лежала на кровати, стоявшей напротив двери. Ее ложе представляло собой нагромождение грязных и рваных тряпок, которые были сложены друг на друга. Когда путники вошли, старуха, кряхтя, приподнялась на локтях и посмотрела на них ничего не выражающим взглядом. Валеске показалось, что она пьяна.

– Я привел своих спутников, – сказал Инвар, глядя на нее.

– Я вижу, – глухим голосом отозвалась ведьма. Она медленно, с трудом села на кровати, спустила ноги на пол, и пошарив по нему в поисках клюки, наконец, встала. Сделав несколько шагов, старуха подошла к столу, загроможденному какими-то обрезками, грязной посудой и свечными огар-

ками, и села на стоявший у стола чурбачок, заменявший стул.

– Говори, – сказал Инвар.

– Говорить что? – спросила ведьма.

– Ты хотела что-то сказать мне, если я приведу этих людей. И еще ты хотела рассказать, что именно ты сказала Джемме в день, когда она и ее люди уходили в поход.

– Что я сказала Джемме – то со мной и умрет. Или с ней, – подумав, сказала старуха. – То ей предназначалось и для других ушей слышать неповадно.

– Не шути со мной, ведьма, – угрожающе сказал Инвар. Его рука на рукоятке меча дрогнула, и Валеске стало страшно. Она еще не видела Инвара таким.

– А что с тобой шутить, князь? – ведьма усмехнулась. – Смелый ты воин, да человек глупый. Был бы умный – спросил бы, что самому тебе уготовано.

– Инвар, – негромко сказал Араим, положив свою руку на руку Инвара, сжимавшую меч.

– Кто это с тобой? А, князь серебряных эльфов! – ведьма мелко рассмеялась. – Говорила же – сразу всех приво-ди, всем сказ будет. Подойди сюда, Араим.

Араим вышел вперед и остановился напротив ведьмы.

– Трудно мне в последнее время, – сказала старуха, скользнув по нему взглядом. – С молоду-то тяжело было, а теперь и вовсе невыносимо. Раньше, бывало, лягу спать – приходят мои духи, и все шепчут, шепчут... но, бывало,

проснешься, попросишь у Леса помощи да поддержки – и уходят. А теперь и не уходят уже, постоянно со мной. И все шепчут, шепчут... а я что? Мне и умереть не страшно, да только, боюсь, и в Подлесье они ко мне приходить будут... и про тебя, эльфийский князь, они мне сказывали. Говорили, что недолго осталось тебе княжить в горах, ждет тебя долгая дорога, князь, очень долгая, ты по ней пойдешь и все потеряешь. Но все равно тебе княжить потом, только гор в том месте не будет. Вот только не проси меня объяснить, как это – я сама не понимаю...

– Ведьма... – снова угрожающе начал Инвар, но старуху было уже не остановить.

– А ты, Инвар, сын Ильрига, по той же дороге пойдешь, все по той же... славен будет твой путь, да короток. А повернуть с него – так лучше сразу в петлю, да, князь? Валеска, пойди сюда, дай посмотреть на тебя.

Валеска, в оцепенении слушавшая ведьму, осторожно пробралась между Араимом и Инваром и встала рядом с ней.

– Нет в тебе ничего от Джеммы, как неродная ты ей. Кровь у тебя жидковата, мать твоя равнинница была, вот и жидкая кровь тебе досталась. Нет, не знаю, тебе этот путь зачем, но ты пойдешь, пойдешь... всего лишишься, все потеряешь, все глаза выплачешь, всю душу вынешь, одна останешься... но знаешь, девочка, кровь у тебя хоть и жидковата, а сердце смелое. Не испугаешься – путь сам к тебе повернется, а струсишь – пеняй на себя.

Ведьма замолчала. В тишине было слышно, как догорает, потрескивая, лучина.

– Старая я стала, – сказала вдруг ведьма и медленно повалилась с чурбачка вперед. Инвар бросился к ней, подхватил, стал бить по щекам. Рот старухи открылся безобразным смердящим провалом, обнажив страшные гнилые зубы. Ее тело моментально остыло – как будто она была мертва уже давно.

Они вернулись в форт в молчании. У ворот Инвар остановился, чтобы отдать распоряжение эльфам похоронить старуху. Те очень удивились, что она умерла. Никто не мог вспомнить, сколько же ей лет. Всем казалось, что старуха вечна.

Дома Валеска зажгла несколько свечей и стала перестилать свою постель. Араим и Инвар остались на крыльце и что-то обсуждали. Вернувшись в горницу Джеммы, Валеска обнаружила там одного Араима. Он сидел за столом, уронив голову на скрещенные руки.

– Араим, – негромко позвала Валеска. – Я постелила тебе у себя. Ты можешь лечь.

– Что ты, зачем? – Араим поднял голову и потер глаза. – Я лягу здесь, на лавке.

– Да нет же, я переночую у Айриза, а вы ложитесь здесь.

– Нет-нет. Я сам постелю, – Араим встал. – Ты не могла бы

посмотреть, как там Инвар?

Валеска вышла на крыльцо. Инвар сидел на ступеньках, крутя в руках брошь, которую он носил на груди под плащом. Валеска хорошо помнила такую же у Джеммы – камень в ней был ярко-зеленым. Камень же в броши Инвара напоминал обычный булыжник – черный, матовый, без переливов. Хотя, возможно, так просто казалось в темноте.

– Пора спать, Инвар, – сказала Валеска, останавливаясь рядом с ним.

– Да, я сейчас поднимусь, – Инвар смотрел на брошь так, будто надеялся, что у него на глазах с камнем произойдет какая-то трансформация.

– Не имеет смысла тут сидеть, – подумав, Валеска погладила Инвара по плечу. – Мне тоже очень тяжело. И я скучаю.

– Ты видела у Джеммы такую брошь?

– Конечно, – кивнула Валеска. – Это та, что ты подарил ей... тогда. Она никогда ее не снимала. Даже... потом.

– Да, – кивнул Инвар, – И я не снимаю. Они парные. Их сделали эльфийские жрецы в горах. Эта брошь показывает своему владельцу, что происходит с обладателем второй броши. Здоров ли он, не попал ли в беду. И видишь – моя потемнела. Несколько недель назад.

– Что это значит?

– С Джеммой действительно произошла беда, но она жива. Если бы Джемма погибла, камень заплакал бы.

– Заплакал? – переспросила Валеска.

– Да. Камни умеют плакать, если в них есть душа. В этих брошах – они называются Муж и Жена – она есть. Эльфийские ювелиры вдохнули ее в камни. Такие же броши, тоже парные, есть и у нас с Араимом. Только они называются Два Брата.

– В любой камень можно вдохнуть жизнь?

– Да. Но это сложное дело. Жизнь гораздо легче отнять, – сказал Инвар.

Валеска лежала без сна, пока не начало светать. События этого длинного дня беспорядочно роились у нее в голове, и стоило ей закрыть глаза, как перед ней возникала мертвая старуха, повторяющая слова: «Путь один... пойдешь, никуда не денешься. И все потеряешь. Все».

На рассвете пришел Айриз.

– Вернулись охотники, – сообщил он. – Те, которых я отправил две недели назад по следам Джеммы.

Охотники кучковались на площади – обнимались с женами, трепали по головам спящих туда-сюда детей, обменивались новостями с другими мужиками. Их глава, патлатый Джед, сидел посреди площади на пеньке и блаженно шевелил пальцами босых ног. Его охотничьи сапоги стояли рядом, по верх голенища заляпанные высохшей грязью.

Охотник радушно поздоровался с Инваром и Араимом. Он держался просто, но с достоинством, без заискивания перед явно более знатными гостями.

– Весь путь прошли, как Джемма шла, – сообщил Джед,

скручивая самокрутку. – Весь путь, до самого Черного озера. И ничего. Ни следа, ни кострища. Правда, гроза была, прямо перед нами прошла – лужи по колено, грязи по пояс. А за Черным озером, там, где дорога делает крюк, и вовсе лес повалило, мы развернулись и назад поехали. Нет, если бы Джемма там шла, я бы это сразу увидел, даже после грозы – а так ощущение, будто и не шел там никто перед нами. Ну, дела... Мы уж думали, всех мертвыми найдем, мало ли что случиться могло. Ан нет, как в воду канули...

– Как в воду канули... – задумчиво повторил за ним Араим. – Скажи, Валеска, а где вы храните летописи?

– Летописи? – удивилась Валеска. – Так в школе же. Могу проводить. Там работает Айсен, старый эльф. Он и учитель, и летописец.

– У меня появилась одна мысль. Я сам найду школу, спасибо.

Араим быстрым шагом направился вглубь улицы. Валеска и Инвар остались стоять рядом с Джеммой.

– И главное – я не понимаю! – продолжал охотник. – Это же Джемма, никто, ну никто лучше нее леса не знает, тут с ней ни мужик, ни эльф какой-нибудь не сравнится. Она уж лет пять как каждый год сама водит людей на обходы, ей каждый булыжник на обочине знаком, как родной. И вот так пропасть! Нет, если хотите знать мое мнение, то дело тут не чисто!

– Какой-то тупик! – сказала Валеска Инвару, когда они

шли домой. – Ведьма умерла, охотники вообще ничего не нашли. Будто двести человек могли взять и раствориться в воздухе!

– Да, тут ты права, – задумчиво сказал Инвар. – Я думал о том, чтобы самому поехать искать Джемму, но не верить охотникам у меня поводов нет. Даже и не знаю, что делать дальше.

Они вошли во двор, и Валеска занялась завтраком, а Инвар остался у колодца, чтобы набрать воды. Однако не успел он взяться за ведро, как во двор вбежал Айриз.

– Инвар, гляди, пришло письмо из столицы! – кричал он.

– Инвар взял у него из рук письмо и стал распечатывать. Валеска тоже выбежала во двор, чтобы не пропустить ничего важного.

– «...сообщаю вам, что никаких распоряжений именем короля Марвина Красивого относительно действий гарнизона форта Лесной Перевал нами не отдавалось», – прочел Инвар. – Да нет же, тут явно какая-то ошибка! Айриз, где первое письмо?

– В избе для собраний, где и было.

– Нужно сравнить печати.

Инвар поспешно вышел со двора.

– Что же это такое происходит? – пробормотала Валеска.

– Не знаю, но больно уж темное дело, – поморщился Айриз. – Не нравится мне все это, и чем дальше, тем больше. Кстати, а где ваш эльф-полукровка?

– О чем ты?

– Как о чем? Араим, спутник Инвара – куда он делся?

– Он пошел в библиотеку. Почему ты называешь его полукровкой?

– Ты что, слепая? – искренне удивился Айриз. – Такой вопрос может задавать только незрячий.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, но мне не нравится твой тон, – сказала Валеска, исподлобья взглянув на Айриза. – Кажется, будто ты хотел оскорбить Араима.

– Ты, понятно, восхищена этими господами и готова защищать их от моих нападков, как трогательно! – засмеялся Айриз. – Оскорбить Араима? Мне и в голову такое не могло прийти. Я просто констатировал факт. Пойду в муниципалитет, может быть, Инвару понадобится моя помощь.

«Очень нужна твоя помощь Инвару», – подумала Валеска и из чувства противоречия поплелась следом.

– Письма абсолютно одинаковые. Они оба пришли из столицы. Теперь я абсолютно уверен, что нужно ехать на Равнины. Исчезновение Джеммы и ее людей кем-то подстроено, и этот кто-то находится там, – Инвар встал и прошелся вдоль стола. – Айриз, напиши письмо в Горный бастион. Я выезжаю сегодня же.

– Ты хочешь ехать один? – спросил Айриз.

– Я не в праве требовать от Араима, чтобы он присоеди-

нился ко мне. Он и так сопровождал меня сюда исключительно потому, что я попросил его. Если Араим захочет, он поедет со мной.

– До столицы неделя пути. Плохая идея выезжать сейчас. Через три дня кончится лето.

– И что же? Мы достаточно ждали и теряли время.

– Срок возвращения душ, Инвар, – напомнил Айриз. – В первую ночь осени. Если она застанет тебя в пути, ты можешь сильно пожалеть об этом.

Инвар задумался.

– Пожалуй, это веский аргумент в пользу того, чтобы ехать одному, только и всего, – сказал он. – Прикажи седлать мою лошадь.

– Но может быть...

– Медлить нельзя.

Айриз развел руками и вышел. Инвар постоял у стола еще немного, потом стал собирать с него письма. Валеска стояла, не трогаясь с места.

– Ты точно не хочешь поговорить сперва с Араимом? – спросила она.

– Конечно же, я не уеду, не простившись с ним.

– Тебе придется скакать день и ночь совсем одному.

– Это не самое страшное, что может со мной случиться.

Валеска замолчала. Она видела, что Инвар принял решение и не планирует менять его. «Так значит, сегодня он уедет. Араим, конечно же, поедет с ним. А я останусь здесь –

и совсем ничего не смогу сделать для поисков Джеммы! Со-
всем одна в четырех стенах форта вдалеке от всех собы-
тий. Как это несправедливо!», – думала Валеска. К прежне-
му беспокойству за тетку добавилось и жестокое разочаро-
вание – поманивший было обещанием приключений период
кончился. Наступала осень, и значит, скоро всем фортом они
будут запасать на зиму капусту и ставить силки на зайцев.
Как и каждый год, как все предыдущие годы. Потом будет
праздник урожая и зима, долгая и снежная, как всегда в этих
краях...

– Инвар, – сказала Валеска вслух. – Возьми меня с собой.

Инвар перестал собирать бумаги и поднял глаза на девоч-
ку.

– Это совершенно невозможно, посуди сама, – сказал он.

– Инвар, но что мне тут делать? Я не могу сидеть, сложа
руки, и знать, что я ничего не делаю для того, чтобы найти
Джемму! Поставь себя на мое место – ведь ты не смог бы
просто сидеть и ждать!

– Но я не на твоём месте, Валеска, – Инвар сунул за пояс
свернутую карту. – Я хорошо подготовлен к любым невзго-
дам, я был в боях и руководил армиями, и мне не пятнадцать
лет. Именно поэтому я могу оценить опасность и умею нести
ответственность не только за себя, но и за других. И Джемма
первая не позволила бы мне сделать этого.

– Но Джеммы нет, Инвар! – воскликнула Валеска. – И кто
мог бы подумать, что такой подготовленный и смелый воин,

как она, будет нуждаться в помощи? Никто! Но ее нет! И если Джемма погибла, я займу ее место. С чего начнется моя жизнь воеводы? С того, что я скажу своим людям: «Да, я могла бы найти свою тетку и спасти ее, но не сделала ничего для этого и только покорно ждала, когда смогу оплакать ее»?!

– Валеска, я все же не думаю...

– Если тебя беспокоит, что я буду тебе обузой, то не бойся этого! Я умею ездить верхом и стрелять из лука! Я знаю лес лучше, чем ты! Я смогу быть полезной в походе, Инвар! Только не оставляй меня здесь. Я сбежала один раз – я сбегу снова, можешь быть уверен!

– Не пытайся шантажировать меня тем, что снова поступишь, как неразумное дитя! – разозлился Инвар.

В это время дверь избы открылась, и в комнату вошел Араим.

– Инвар, я слышал, что все готово для твоего отбытия? Потрудись объяснить мне, что случилось, – сказал он.

– Пришло письмо из столицы, – сказал Инвар. – Они утверждают, что не присылали приказа о мобилизации. Я еду в Орлиную крепость, чтобы искать ответы.

– Ты не хочешь предложить мне поехать с тобой?

– Безусловно, я планировал сделать это, как только увижу тебя. Но мне неудобно просить тебя снова о помощи, Араим.

– Мою лошадь уже моют и чистят на конюшне в соседнем стойле с твоей, Инвар.

– Так вы возьмете меня с собой? – спросила Валеска.

– Валеска утверждает, что она должна поехать с нами, так как не может не принять участия в поисках Джеммы. Она угрожает снова сбежать из форта, если мы этого не сделаем, – добавил Инвар.

– Побегам тут ничего не решить, – заметил Араим. – Я думаю, ты и сама это понимаешь.

– Понимаю, но как еще я могу вас убедить? – чуть не плача, ответила Валеска.

– В ее словах есть здоровое звено, – обратился к Инвару эльф. – В ее возрасте мы уже ходили в походы.

– Мы – да, но мы никогда не были пятнадцатилетними девочками, Араим, – мрачно ответил Инвар.

– Я не буду вам в тягость, – повторила Валеска.

– Что ее ждет тут? – продолжал Араим. – Не лучше ли, действительно, взять ее с собой? Не думаю, что Валеска доставит нам много проблем.

– Араим, в тебе говорит извечная вера твоего народа в то, что лучше броситься в пропасть и упасть, чем не броситься и прожить долгую скучную жизнь, – Инвар махнул рукой. – Но когда ты сам не знаешь, что ждет тебя завтра, и какие ответы ты ищешь, не слишком ли самонадеянно впутывать в эту историю еще и Валеску?

– Она уже впуталась в эту историю, когда едва не погибла в лесу. Не думаю, что теперь мы вольны что-то менять. Но я поставил бы одно условие.

– Какое? – спросила Валеска, воспрянув духом.

– Мы не знаем пока, с чем нам придется столкнуться. От себя лично я хотел бы, чтобы ты пообещала слушать-ся нас.

– Конечно! Я все сделаю, что вы скажите! – закричала Валеска.

Араим и Инвар скептически переглянулись, но промолчали.

– Между тем, у меня тоже есть новости, и я пока не знаю, как к ним относиться, – сказал Араим. – Когда охотник сказал, что Джемма и ее армия «как в воду канули», я вспомнил кое-что интересное о Черном озере.

С этими словами эльф положил на стол перевязанный кожаным шнурком свиток.

– Возможно, я слышал истории о нем в детстве, когда мне рассказывали сказки перед сном. Так или иначе, информация, которая содержится в летописях Лесного перевала, совпадает с моими воспоминаниям. Смотрите.

Араим развернул сверток и протянул его Валеске:

– Поправишь меня, если где-то я не до конца понял местный диалект. Здесь описывается Великая война, которая произошла триста лет назад.

– Да, когда я был в колыбели, мне рассказывали легенды об этой войне, – кивнул Инвар.

– Да, так вот... Великая война началась в тот момент, ко-

гда маг по имени Фернир Черный завладел куском Небесного камня и получил способность похищать души людей. Фернир Черный предательски напал на Змеиный город, который находился, судя по всему, где-то на Болотах, и подчинил себе все его население, похитив их души. Потом Фернир пошел войной на Орлиную крепость, попутно склонив на свою сторону войска эльфийского лесного князя Айаруна и таким образом пополнив свое войско. Он дошел практически до границ Равнин, когда ему навстречу вышли королевские войска во главе с королем Матиасом Умным и верховной ведьмой Гаруной. Гаруна ехала впереди войск и везла другой кусок Небесного камня, который тоже обладал волшебной силой, но какой – здесь не уточняется. В результате Фернир Черный был побежден, его войско разбито, а души людей упокоены. Фернир был убит и сожжен, и его останки вместе с куском Небесного камня навсегда захоронили в Черном озере, которое названо так в память о тех событиях.

– Ты думаешь, что это *наше* Черное озеро? – недоверчиво спросила Валеска.

– Видимо, да.

– Как-то глупо прятать такой артефакт в самом центре страны.

– Триста лет назад вся страна представляла собой одни только Равнины. Леса и Болота, а уж тем более Горы, лежали далеко за ее границами.

– Я начинаю понимать, почему в наших летописях

не встречал никаких упоминаний о тех событиях, только в сказках, – сказал Инвар. – Если это напрямую не относилось к Горам, и горцы не участвовали в той войне, неудивительно, что сохранились только легенды.

– Ты думаешь, эта история имеет какое-то отношение к тому, что произошло с Джеммой? – спросила Валеска.

– Я не знаю, – Араим пожал плечами. – Но то, что Черное озеро хранит определенную тайну – факт.

– Да, послушай-ка... – Инвар прошелся по комнате туда-сюда. – Я знал отца Джеммы, его брата и ее саму, и каждый из воевод Лесного перевала каждый год отправлялся на обход земель по одному и тому же маршруту: до Черного озера, вокруг него и обратно. Никто никогда не мог объяснить, почему они ходят именно этой дорогой, довольно удаленной от границ Леса. Говорили, будто это традиция предков, которую по каким-то забытым причинам нельзя менять.

– Могла ли эта традиция зародиться именно после того, как в Черное озеро погрузили Небесный камень Фернира Черного?

– Все может быть.

– А ты не задавал этот вопрос учителю Айсену? – спросила Валеска Араима.

– Задавал, но он не смог ответить точно. Ему много лет, но не настолько, чтобы отчетливо помнить те события. Кроме того, он и то, что было на прошлой неделе, не очень хорошо помнит, по его же собственному признанию.

– Что ж, теперь я практически уверен, что мы должны выезжать как можно быстрее, – сказал Инвар. – Но я всерьез переживаю из-за того, что мы встретим в пути Срок возвращения душ. Айриз был прав, говоря, что лучше обождать. Но и времени терять нельзя.

– Тогда поедем, – ответил Араим. – У нас будет время подумать в дороге.

Пока они с Инваром шли домой, Валеска вдруг вспомнила кое-что и спросила:

– Послушай, Инвар. Почему Айриз сказал, что Араим – князь-полукровка?

Инвар покосился на нее.

– Айриз так сказал?

– Да. Я не уверена, конечно, что мне стоило это повторять...

– Это вечное правило лесных эльфов – злословь за спиной. За это я их и не люблю. Конечно же, Айриз не мог не излить желчь в разговоре с тобой, ведь сказать это в лицо Араиму он никогда бы не осмелился.

– Но почему князь-полукровка?

– Строго говоря, Айриз прав. Ты разве не видела никогда горных эльфов?

– Араим первый.

– Тогда понятно, почему ты не понимаешь. Вообще-то внешне горные эльфы не такие, как Араим. По правде сказать, они мало похожи на людей.

– Значит, Араим не чистокровный эльф?

– Нет. Я не знаю, стоит ли тебе знать всю эту историю, но если коротко – еще до нашего рождения наши отцы были в походе. Тогда варвары, что живут к северу от Горных границ, повадились нападать на селения гномов и грабить их. Отец Араима, Аарон, привез себе из того похода жену. Я не очень хорошо ее помню, она умерла в родах, давая жизнь Араиму. Знаю только, что он очень любил ее. Когда Араим родился, сам Аарон несколько пожалел о своем решении, так как понял, что, вероятно, его сыну всю жизнь придется доказывать всем свое право быть князем над горными эльфами, но этого не произошло. Душой он эльф, все знают об этом.

– Это так странно, – сказала Валеска. – Почему всегда нужно оправдываться за то, что ты не можешь изменить? Старая ведьма тоже сказала, что моя мать равнинница, а значит, я не до конца буду предана Лесу душой. Мне показалось, что она говорила об этом так, будто это что-то плохое...

– К сожалению, люди часто бывают рабами старых традиций, даже самые достойные, – сказал Инвар. – С другой стороны, мы живем традициями, и любое их нарушение влечет за собой шаг в сторону от устоев, которые завещали нам предки. И мы не можем знать, чем обернутся нам эти шаги. Может быть, однажды они приведут нас к краю пропасти.

– А может быть, наоборот, однажды, благодаря им, мы станем сильнее и мудрее? – сказала Валеска.

– Не знаю, – Инвар улыбнулся. – Я могу говорить толь-

ко за себя, а сам я предпочитаю смотреть вглубь человека, а не на его внешний вид.

– Обсуждаете внешний вид? – их догнал Араим. – Брат Инвар, я не замечал за тобой прежде интереса к подобным вещам.

– Так я и говорю как раз, что меня внешний вид других людей не интересует, – ответил Инвар. Валеска засмеялась.

– Наши лошади готовы, осталось собрать вещи, и мы можем ехать, – сказал Араим. – Пока солнце еще не перевалило за свой зенит, есть шанс засветло тронуться в путь.

Валеске собираться было почти не нужно. Она открыла сундук Джеммы. В нем лежал ее зимний плащ на бобровой подпушке, дорожные сапоги и короткий меч, который Джемма подарила ей в прошлом году. Перевязь, нож, фляга. Что еще взять с собой? Валеска оглядела оставшееся содержимое сундука. По правде сказать, у нее было так мало вещей, что выбирать было особенно не из чего.

Валеска повесила за спину колчан со стрелами и лук и уже направилась к выходу, как ее взгляд упал на одиноко висящую в углу у двери Джеммину косу. Поколебавшись ровно секунду, Валеска вынула нож, и, оттянув на затылке волосы, отрезала их. Собранные до этого в хвост, волосы рассыпались в ее руке, оставшиеся короткие концы кололи и щеко-тали шею. Валеска наскоро свернула из своих волос что-то наподобие жгута и повесила его поверх косы Джеммы.

– Вот так-то лучше. Я еще вернусь, – сказала Валеска опу-

стевшему дому, и, не оглядываясь, вышла на крыльцо.

– Если будете ехать, не останавливаясь, то к завтрашнему утру достигнете Южного лесничества, – инструктировал их Айриз, ехавший рядом с путниками на своем пятнистом коне. – Там живут лесник и его жена. Это – южная граница наших земель. Дальше не будет никаких форпостов, где вы сможете остановиться. Срок возвращения душ переждете в Лесничестве, а дальше будете все время ехать по дороге – там хорошо проторенный путь. Я провожу вас до Возвратного камня.

Они ехали бодрой рысцой, и душа Валески ликовала. Ее рыжая лошадь, застоявшаяся в стойле, прятала уши и закидывала на бегу голову, демонстрируя, как рада она неожиданному бегу. Валеске казалось, что она сама готова спрыгнуть с лошади и бежать с ней рядом. Ее распирало от восторга. Ее взяли в путешествие! Она – полноправный его участник, и Араим и Инвар, северные князья, считаются с ней, принимают ее, как равную! На фоне этих мыслей она была рада даже присутствию Айриза, который, впрочем, делал вид, что не замечает ее.

У Возвратного камня – это был большой, поросший мхом валун, лежавший у дороги в том месте, где она делала резкий поворот, после которого форт скрывался из виду – Айриз остановил коня.

– Удачи вам в вашем путешествии, – сказал он. – Инвар и Араим, сыновья Северных гор, надеюсь, что вы вернетесь с победой.

– Пусть будет так, – откликнулся Инвар. Араим молча кивнул. Айриз скользнул взглядом по Валеске, но ничего не сказал. Он развернул коня и вскоре исчез из виду.

– Ну что ж, – сказал Араим, глядя ему вслед. – Едем же, если мы хотим добраться до Южного лесничества в срок.

Они ехали молча, в хорошем темпе, и через несколько часов восторг в душе у Валески стал постепенно ослабевать. Она почти не знала эту часть леса, а форт давно скрылся за поворотом дороги у Возвратного камня – и теперь она неожиданно явно ощутила, как впереди маячит мрачным фантомом Неизвестность. Кроме того, через пару часов в дороге у Валески стала уставать спина. Через три часа она начала ерзать в седле, периодически меняя позу.

Через шесть часов дороги позвоночник Валески одеревенел настолько, что каждый шаг лошади причинял ей боль. Она завистливо поглядывала на Инвара и Араима, которые, казалось, совсем не устали за время пути. Лошадь Валески, поняв, что с ездаком что-то не так, стала позволять себе вольность снизить темп, а потом и вовсе стала переходить на шаг, и Валеске приходилось подгонять ее.

Наконец, ехавший впереди Инвар развернулся и подъехал к ней.

– Что происходит? – спросил он.

– Все хорошо, – ответила Валеска, стараясь придать своему голосу как можно более уверенный тон. – Просто лошадь не привыкла к таким долгим поездкам.

– И поэтому ты сидишь в седле так, словно собираешься свалиться с него, как куль? – заметил Инвар.

Валеска попыталась принять нормальную позу, выпрямилась, и ее правую ногу пронзила резкая боль. Она была такой сильной, что Валеска охнула, выпустила поводья и схватилась за ногу. Лошадь испугалась и резко встала на месте, и Валеска свалилась на землю. Одна ее нога при этом застряла в стремях, и девочка поняла, что лучше даже не представлять себе, как она выглядит со стороны. Больше всего ей опять хотелось одного – немедленно провалиться сквозь землю.

Нога, однако, продолжала болеть. Казалось, изнутри ее выкручивает какая-то неведомая сила.

Валеска со стоном взялась за ногу руками и осторожно вытащила ее из стремя, продолжая лежать на земле.

К ним подъехал Араим, они с Инваром спешили и подошли к ней.

– Нога... – простонала Валеска, корчась в дорожной пыли. – Что-то с моей ногой!

– Это судорога, – сказал Араим, опускаясь на колени рядом с ней. – Это ведь та нога, которую ты поранила в лесу?

– Да, это она, – морщась от боли, Валеска пыталась растереть ногу обеими руками. У нее не получалось.

– Убери руки, – сказал Араим. Он взялся за ногу Валески – одной рукой за лодыжку, другой – за колено, и сжал руки. Валеске показалось, что в ногу ей вонзили ледяные иглы. Ощущение было такое, будто она опустила ногу в быстрые воды лесного ручья зимой. Но боль неожиданно отступила.

– Лучше? – спросил Араим.

– Да, – кивнула Валеска.

– Тогда вставай.

Валеска встала и охнула, схватившись за поясницу. Теперь она поняла, что, если снова сядет на лошадь, все ее позвонки немедленно сыплются в штаны.

Инвар и Араим переглянулись.

– Кажется, нам придется сделать привал, – сказал Араим.

– Нет-нет, что вы, я могу ехать! – запротестовала Валеска.

Инвар развернулся, и, чертыхнувшись, стал снимать поклажу со своей лошади.

– Нет, правда, Инвар!..

– Разжигай костер, – сквозь зубы ответил он.

Валеска обернулась к Араиму, ища у него поддержки, но он уже взял под уздцы обеих лошадей – свою и ее – и повел их к обочине дороги.

– Я... я не хотела, правда. Я просто никогда не ездила так далеко... – пробормотала Валеска, чувствуя, что готова зарыдать. – Я не думала, что так получится... я... я могу вернуться назад! И не буду снова вам мешать!

– Прекрати, Валеска, – спокойно сказал Араим. Он уже снимал со своей лошади свернутое покрывало. – Если ты думаешь, что наши спины не одеревенели за столько часов езды, ты глубоко ошибаешься. Просто мы не думали, что нам придется делать остановку настолько быстро.

– С другой стороны, мы должны были быть готовы к тому, что двигаться придется в темпе самого медленного ездока, – вздохнул Инвар. Он сел на землю под дерево и посмотрел на небо. Солнце клонилось к закату. – Может быть, и хорошо, что это произошло именно сейчас. Ночью было бы гораздо сложнее.

– Но без меня вы бы доехали.

– Какой прок говорить об этом? Разобьем лагерь, через час совсем стемнеет. Если мы выедем с первыми лучами солнца, то вполне успеем к Южному лесничеству до завтрашней ночи. Но учти – завтра тебе придется скакать весь день, хочешь ты этого или нет.

– Конечно, – с благодарностью сказала Валеска. – Конечно.

Она старалась хоть как-то загладить свою оплошность, бегая вокруг стоянки в поисках хвороста, разожгла костер, сунулась было к лошадям, чтобы напоить их, но это уже сделал Араим. Они быстро поели и улеглись – солнце едва успело скрыться за горизонтом, и в лесу еще даже не до конца стемнело.

Спать рядом с дорогой было не слишком приятно – Ва-

леска почему-то даже на болоте, в одиночестве, чувствовала себя гораздо увереннее, чем здесь. Но место для стоянки определило именно ее позорное поведение – и она, продолжая ругать себя, крепко зажмурилась и решила, что должна немедленно уснуть, чтобы проснуться на рассвете полной сил и готовой к долгому переходу. Однако сон не шел. Нога больше не напоминала о себе, но спина, казалось, задалась целью сполна отомстить за изматывающий день в седле.

Валеска ворочалась, и, хотя она пыталась делать это бесшумно, через некоторое время она услышала голос Араима:

– Опять болит нога?

– Нет, все хорошо, – Валеска перевернулась на спину и подоткнула под поясницу край покрывала. Так стало чуть лучше.

– А что у тебя болит? – спросил Араим.

– Спина.

– Предсказуемо для начинающего ездока, – усмехнулся Араим.

– Я ужасно себя чувствую, – сказала Валеска. – Опять я все испортила.

– Пока еще ничего не испорчено, мы просто получили возможность отдохнуть перед долгой дорогой, – сказал Араим. Он лежал на спине, скрестив руки на груди, и глядел куда-то вверх. Небо заволокли тучи, и было сложно сказать, на что он смотрит – кроме темноты, наверху не было ничего.

– Как ты сделал так, чтобы у меня прошла нога? – спро-

сила Валеска.

– Это может любой из моего народа, – сказал Араим. – Ничего сверхъестественного, мы можем заморозить боль. Не излечить, а сделать так, чтобы человек перестал ощущать ее. Я говорю «человек», потому что на нас самих это не действует.

– Мне очень помогло.

– Я знаю. Я могу сделать так, что и спина тоже пройдет. Но, скорее всего, завтра она заболит снова, и тогда я уже ничего не смогу сделать.

– Я стесняюсь попросить, но это было бы очень кстати, – сказала Валеска. К этому моменту у нее уже было ощущение, что ее избили палками, и большая часть ударов пришлась на поясницу.

Араим молча протянул руку и положил ее Валеске на лоб. Она почувствовала легкий холодок от его прикосновения. Холодок рос и будто бы сковывал ее тело. «Наверное, это чувствуют лягушки поздней осенью, когда вмерзают в лед», – успела подумать Валеска и уснула.

На рассвете Валеска проснулась от холода, но это был не тот обволакивающий холодок, который усыпил ее – моросил дождь, и его ледяные капли насквозь пропитали одеяло и затушили костер. Рассвет только-только забрезжил. Валеска поднялась, откинув одеяло, и стала ходить вдоль дороги,

пытаясь согреться. Инвар и Араим тоже проснулись. Наверное, им, привыкшим жить на высокогорье, не было так же холодно, но собирались они с мрачным видом, не проронив ни слова.

Они выехали, когда фиолетовые сумерки уже начали сменяться серым утром. День обещал быть дождливым и пасмурным – на памяти Валески осень впервые начиналась настолько мрачно. Уже через полчаса пути дождь усилился и зарядил, кажется, надолго. Им пришлось надеть плащи с капюшонами.

Ехать было сложнее, чем накануне, но теперь Валеска не чувствовала резкой боли – просто все ее тело одеревенело и плохо слушалось. От вчерашнего ощущения подъема не осталось и следа: ей хотелось только, чтобы дождь прекратился, и они поскорее выбрались бы из леса, где густой орешник, который выпростал свои ветви на дорогу, хлестал ее мокрыми лапами по лицу и плечам.

Как ни странно, время в этот раз тянулось гораздо быстрее. Периодически выныривая из состояния легкого столбняка, в которое погрузили Валеску дождь и пасмурная погода, она обнаруживала, что они едут уже долго. Когда дождь ненадолго закончился, и выглянуло солнце, стало вдруг понятно, что оно уже значительно перевалило за зенит и начало клониться к закату.

Почти весь день путники ехали молча, только один раз, когда на обочине им встретился деревянный идол бога Пут-

ника, Араим указал на него Инвару, а тот пожал в ответ плечами.

Валеске и самой не очень-то хотелось разговаривать. Она держала в уме карту – идол на обочине означал, что большая часть пути до Южного лесничества уже позади, но сколько им еще оставалось ехать, Валеска не знала. Если верить вчерашним разговорам Инвара и Араима, то, двигаясь без остановок, они должны были к вечеру достичь Лесничества. Валеска подумала о том, что будет, если они не успеют. Получалось, что они вынуждены будут встретить Срок возвращения душ в лесу, но это никак не укладывалось у нее в голове. Никто из тех, кто когда-либо оказывался в эту ночь за пределами человеческого жилья, не вернулся домой и не смог рассказать о том, что увидел. Да и те, кто находился в эту ночь под надежной защитой родных стен, нередко обзаводились к утру парой-тройкой новых седых волос в шевелюре...

Валеска невольно вспомнила, как прошла эта ночь прошлой осенью. Взрослые тогда заблаговременно загнали детей домой. Джемма специально пришла на ручей, чтобы забрать Валеску. Дома они зажгли лучины и свечи – так много Джемма никогда не зажигала, и в комнатах стало светло, как днем. Она заранее начала топить печь, и было очень тепло. Небо было ясным – мириады звезд высыпали на небосклон, и осенний холодок пополз по земле.

Джемма уложила Валеску в кровать и спросила, о чем она хотела бы поговорить. Валеска очень любила такие вечера,

когда можно было просто поболтать с Джеммой.

– Расскажи мне о гигантском вепре, – с готовностью попросила она.

– Ты уже сто раз слышала эту историю, – рассмеялась Джемма.

– Расскажи! – Валеска села и стала трясти тетку за плечо.

– Хорошо, – согласилась Джемма и снова уложила ее и накрыла одеялом до самого подбородка.

– Когда-то очень давно, когда я была чуть старше, чем ты сейчас, мой отец, твой дед, взял нас с твоим отцом с собой на первую в нашей жизни зимнюю охоту. Тогда прошел слух, что в лесу появился гигантский вепрь, и твой дед поклялся, что добудет его и привезет в форт еще до праздника Зимнего равноденствия...

В это время Валеске показалось, что под окном, у которого стояла ее кровать, кто-то громко и отчетливо вздохнул.

– Джемма... – взволнованно начала она.

– Молчи. Это ветер, – Джемма бросила взгляд на окно, но не пошевелилась. – И вот, твой дед собрал людей, взял нас с отцом, и мы поехали. В ту зиму стояли страшные морозы – настолько страшные, что по ночам стены домов трещали, а птицы в лесу падали с деревьев замертво. Твоя бабушка и другие женщины каждый день ходили к стенам форта и сыпали пшено на снег, чтобы птицы могли есть его. А охотиться на них тогда было запрещено.

Валеска слушала, но в пол уха, глядя при этом в окно. Ей

показалось, что за ним кто-то стоит – словно пытаюсь заглянуть в комнату. И еще ей показалось, что этот кто-то покашливает. И еще ей вроде бы послышался запах табака...

– ...твой дед курил трубку, и облачка дыма, которые он выдыхал, застывали в воздухе, вот какой стоял мороз...

– Джемма! – не выдержала Валеска. – Там точно кто-то есть! Ты чувствуешь? Пахнет табаком!

– Лежи, – Джемма встала, подошла к окну, и, не глядя в него, приоткрыла одну створку и швырнула наружу пучок заговоренной травы, курившийся в глиняной чашке на подоконнике. Валеска готова была поклясться, что снова слышала вздох – на этот раз он был исполнен злобы. Но потом все исчезло – и вздохи, и запах табака.

– Кто это приходил? – спросила Валеска, когда Джемма вернулась и снова села у нее в ногах.

– Не важно, кто, – ответила Джемма. – Важно то, что сегодня особенная ночь. Из-под земли приходят Подлесные духи, они рыщут по земле в поисках людей. В дом они забраться не могут.

– А зачем им люди?

– Чтобы забрать их души в Подлесье.

– А зачем им это?

– Кто же тебе ответит? – улыбнулась Джемма. – Это знают только сами духи. Но одно я знаю точно – на них ни в коем случае нельзя смотреть. Они принимают облик твоих умерших предков и друзей и зовут с тобой, и их зову очень слож-

но противостоять. Но у них есть всего одна ночь на земле. Завтра они снова сгинут на целый год.

– Это дедушка приходил? – спросила снова Валеска.

Джемма задумалась.

– Нет, – сказала она. – Что бы они ни говорили, какой бы облик не принимали – это никогда не бывает твой дедушка, или твой отец, или твоя мать. Никто не знает их истинного облика, но они могут принять любой. Не вздумай однажды последовать за их зовом. Впрочем, мы что-то отвлеклись. Давай уже я теперь доскажу, раз начала. Так вот, в ту зиму стояли страшные морозы...

– Мы почти на месте, – сказал Инвар, и Валеска очнулась от своих мыслей. Солнце уже почти скрылось за горизонтом. Оно успело немного прогреть воздух, и теперь было тепло и влажно.

– Нам осталось не больше часа пути.

Только теперь Валеска почувствовала, насколько затекло все ее тело и устали руки и ноги. Араим и Инвар выглядели более бодрыми, но и по ним было заметно, что они устали.

– Сегодня мы будем спать в тепле, – сказал Араим, и Инвар с Валеской улыбнулись в ответ. Настроение всех троих стало улучшаться.

Дорога сделала еще два поворота, и по правую руку от себя они увидели красный флажок, привязанный к дереву –

знак, что рядом находится жилье.

– У них ведь наверняка есть баня, – мечтательно произнесла Валеска, и тут ехавший впереди Инвар резко осадил лошадь.

Они увидели Южное лесничество – вернее, то, что от него осталось. Над обугленным остовом главного дома сиротливо торчала печная труба. Сарай и конюшня были сожжены дотла. Запах пожарища, отсыревшего предыдущей ночью под дождем, бил в нос.

Потрясенные, они остановились и смотрели на это зрелище.

Наконец, Араим первым подъехал к останкам одной из построек, спешил и приложил руку к обуглившимся бревнам.

– Холодное и мокрое насквозь, – сказал он, обернувшись к Инвару и Валеске, – Сгорело не так уж давно, но и не вчера ночью.

– Где же хозяева? – спросила Валеска, хотя понимала, что это глупый вопрос. Если бы хозяева могли, они сообщили бы в Лесной Перевал о пожаре.

– Вероятно, где-то там, – Араим кивнул на остов главного дома.

– Побудь здесь, – сказал Инвар Валеске. Он спрыгнул с лошади и вместе с Араимом направился туда.

Валеска спешила и остановилась, прижав руки к груди. Южное лесничество, по сути, принадлежало одному охотни-

ку по имени Джаред. Несколько лет назад он решил вдруг жениться на эльфийке, что искренне удивило и раздосадовало как его семью, так и семью потенциальной жены. Нет, сама она была не против, а очень даже за (эту женщину Валеска тоже смутно помнила – ее звали Айгуль или как-то похоже), но вообще браки между людьми и эльфами не приветствовались ни теми, ни другими.

То ли под давлением окружения, то ли еще по каким-то причинам, Джаред и Айгуль ушли из форта, поселились здесь, практически на границе леса, завели хозяйство и стали жить. Очень скоро стала понятна очевидная выгода лесничества на главном пути из Равнин в Леса – торговцы, солдаты и просто путешественники полюбили останавливаться в их доме, где со временем появилось что-то вроде постоянного двора. Джаред регулярно приезжал в форт, и со временем все смирились с этим странным браком, так как от него для всех была одна сплошная польза. Впрочем, во многом именно поэтому Джареда и Айгуль обратно в Лесной Перевал никогда не звали. Но они казались вполне довольными своей необычной судьбой...

Араим и Инвар вернулись обратно.

– Там нет тел, – коротко сообщил Инвар.

– Может быть, им удалось уйти? – неуверенно сказала Валеска.

– Они подали бы знак. Все это очень странно, – Инвар покачал головой.

– Темнеет, – сказал Араим, взглянув на небо.

Все трое посмотрели друг на друга. Ошарашенные фактом уничтожения Лесничества и исчезновения его хозяев, они поняли, что забыли о главной причине, по которой то-ропились к этому месту – наступала ночь Срока возвращения душ.

– Что нам делать? – шепотом спросила Валеска.

Инвар и Араим переглянулись.

– Я думаю, что было бы плохой идеей становиться лагерем тут, – сказал Араим. – Как и оставаться на дороге. Предлагаю вернуться чуть назад.

Они снова сели на лошадей и повернули обратно. Через несколько сотен метров Инвар махнул рукой – он нашел место для стоянки. Пробравшись сквозь густой подлесок, они увидели то, что каким-то образом удалось разглядеть с дороги Инвару – небольшую полянку, достаточно ровную и надежно защищенную со всех сторон от чужих глаз разросшимся кустарником. Уже почти стемнело, и терять время было нельзя. Араим принялся разводить костер, а Инвар и Валеска быстро расседлали лошадей.

Когда костер разгорелся в полную силу, они сели у огня и достали провиант, но кусок не лез в горло никому из троих. Валеска, к тому же, ощущала неприятный озноб. Она поняла, что очень боится.

– Что будем делать, брат Инвар? – спросил Араим.

Он, как обычно, был спокоен, но Валеска уже поняла, что

спокойствие эльфа обычно обратно пропорционально сложности ситуации, в которой он и его спутники оказывались.

– Нам нужно как-то продержаться до утра, – сказал Инвар. Он сосредоточенно глядел в огонь. Темнота вокруг них продолжала сгущаться. – Я думаю, мы сможем это сделать, не так ли, Араим?

– Я почти уверен в этом, – все так же спокойно ответил эльф. – Правда, я лишь по рассказам представляю себе, с чем нам придется столкнуться.

– Ну, вот и увидим заодно своими глазами, – сказал Инвар. – Как ты, Валеска?

– Ужасно, – честно ответила Валеска. – Я очень боюсь. Но у меня ведь нет выбора...

– Ты все правильно понимаешь, – Инвар кивнул и похлопал ее по плечу. – Думаю, нам удастся продержаться.

В этот момент одна из лошадей вдруг шарахнулась и испуганно заржала. Инвар и Араим быстро взглянули друг на друга.

– Я не подумал о них, – сказал Араим. – Они могут привлечь сюда тех, кого не следовало бы привлекать.

С этими словами он встал и подошел к лошадям. Араим брал каждую из них за морду и прикладывал ладонь к их лбам. Лошади немедленно затихали. Валеске показалось, что они уснули.

Араим вернулся к ним.

– Мне показалось в какой-то момент, что кто-то следит

за мной из-за кустов, – сказал он. – Но лошади будут спать как минимум пару часов. Жаль, что я не могу проделать этого с вами.

– Постараемся продержаться сами, – сказал Инвар. Внезапно на поляну налетел порыв ветра – такой сильный, что потушил костер. Они остались в полной темноте.

– Держись, Валеска, – сказал Инвар. Он медленно протянул руку и взял Валеску за руку. Араим, который сел с другой стороны от нее, сделал то же самое.

В этот момент они слышали голоса.

Голоса пели. Сперва они раздавались где-то за их спинами, но потом зазвучали и впереди, и слева, и справа, они звучали отовсюду, то тише, то громче, они приближались, обступали.

Валеска зажмурилась. Ей хотелось зажать руками уши, но ее руки крепко держали Араим и Инвар. Ей стало казаться, что она различает в этом всеобщем пении знакомые голоса. Кажется, в общем хоре мелькнул голос матери...

Валеска приоткрыла один глаз и увидела то, от чего ее волосы медленно зашевелились – через поляну сплошным потоком двигались тени. Они были светлее окружающей темноты, и потому выделялись очень ярко – высокие, выше человеческого роста, на их лицах не было ничего, кроме черных глазниц и огромных, разверзнутых ртов, и их голоса все меньше напоминали пение – они издавали стоны и крики. Тени плыли над землей мимо них, словно не замечая, и Ва-

леска поняла – если она будет смотреть на них, они увидят ее. Она снова зажмурилась и почувствовала, как кто-то из спутников подтащил ее к себе и накинул сверху плащ – стало совсем темно, и теней не было теперь видно, но их голоса, казалось, стали только громче. Они проникали прямо в голову.

– Валеска! Валеска! Валеска! – повторяли голоса нарастающе. – Там, где мы, нет никакого страха и боли, тебя ждут мама и папа, и бабушка. Пойдем с нами, и ты увидишь их всех!

«Нет!», – стиснув зубы, подумала Валеска. – «Нет!»

– Доченька моя, бедная моя девочка, – пропел прямо над ее ухом голос, и Валеска вздрогнула, потому что спутать его с чьим-то еще было невозможно. Это был голос ее матери. – Моя бедная доченька, ты совсем одна в лесу, с чужими людьми, оторванная от дома и своей семьи! Как мне жаль, что мне пришлось уйти, бросить тебя! Но я пришла за тобой, доченька, посмотри на меня! Это я, твоя мама!

«Ты не моя мама!», – Валеска стиснула зубы еще сильнее. Она зажмурилась так, что стало больно векам.

– А кто же я? Посмотри на меня, доченька...

На Валеску внезапно пахнуло до боли знакомым запахом – это был запах ее матери, она никогда ни с чем не спутала бы его. От матери, которая была совсем рядом, стояла, склонившись, по другую сторону покрывала, исходило тепло, такое родное и знакомое, что Валеска стала сомневаться.

ся – чего ради она сидит тут, прячется под покрывалом, когда мама совсем рядом, она снова здесь, она не умерла, она вернулась...

– Отец!.. – прошептал кто-то рядом с Валеской, и внезапно та словно очнулась. Было очень холодно; ее колотила крупная дрожь, но теперь она вспомнила, что происходит. Не было никакой мамы – ее голос исчез, и только заунывный вой, похожий на вой осеннего ветра в кронах деревьев, стоял вокруг. А голос, который вывел Валеску из морока, принадлежал Инвару.

– Нет, отец, уходи... – словно сквозь зубы, пробормотал он. – Ты не обманешь меня. Даже если это и ты – я не пойду с тобой.

– Инвар! – Валеска сжала его руку и, извернувшись, хлопала Инвара по щеке, – Инвар! Эй! Это я!

– Как ты, Валеска? – тоже словно очнувшись, тихо спросил Инвар.

– Держись, – шепотом ответила она.

– Молодец. А где Араим?

– Я не знаю...

– Будем надеяться, он держится тоже.

Валеска потеряла счет времени и даже примерно не могла сказать, как давно они впервые услышали призрачное пение. Ее бросало то в жар, то в холод, и, не успевая толком прийти в себя, как где-то поблизости раздавался звук горна. Этот звук она также ни с чем не могла спутать – он принадлежал

ее отцу. Кошмар продолжался.

Вынырнув из него в очередной раз, Валеска попыталась поговорить с Инваром, но тот, казалось, не слышал ее – с трудом высвободив из его руки свою, Валеска двумя руками попыталась ощупать его тело и поняла, что Инвар сидит, наклонившись вперед и почти касаясь лбом земли. Она слышала его сиплое дыхание сквозь стиснутые зубы. Видимо, его тоже одолевали призраки – но он, по крайней мере, явно не собирался вскочить и побежать на их зов. Получив короткую передышку перед наступлением очередного морока, Валеска быстро выбралась из-под плаща и, не открывая глаз, поползла в ту сторону, где, как ей казалось, должен был быть Араим. Она давно уже выпустила его руку и теперь не была уверена, что с ним все хорошо.

Но Араим был на месте – там, где и раньше. Он тоже лежал, свернувшись и с головой накрывшись плащом. Обеими руками эльф зажимал себе уши.

– Араим! – прошептала Валеска, попытавшись отвести его руку, – Араим! Это я! Как ты?

– Неплохо, – неожиданно нормальным голосом ответил Араим. – Кажется, это не действует на меня так, как на вас. Но моя голова... она превратилась в гигантский колокол и это очень... больно, – последнее слово он произнес сквозь зубы, и Валеска поняла, каких трудов стоило ему создавать иллюзию, что все хорошо.

– Давай к нам! – скомандовала она, и Араим неожиданно

повиновался. Цепляясь друг за друга, они вернулись к Инвару и уселись, обхватив друг друга руками.

Валеска окончательно потеряла счет времени и потому вздрогнула, когда услышала поблизости странный, очень высокий свист. Она открыла глаза и обнаружила, что одеяло давно сползло ей на колени. Солнце уже поднималось над верхушками деревьев. Свист оказался пением птиц.

Моргая, как крот, впервые выбравшийся из норы на свет, Валеска оглянулась по сторонам. Их костер давно потух, не успев как следует разгореться, и обугленные палки торчали из него во все стороны, как полусгнившие зубы какого-то огромного чудовища. Лошади мирно щипали травинки, стоя в стороне. Араим и Инвар вповалку лежали рядом – оба были бледными, как мертвецы, но оба спали. Валеска медленно поднялась на ноги, не веря, что страшная ночь осталась позади. Постояв немного, она снова села на землю. На нее навалилась вдруг ужасная усталость – она поняла, что, стоит ей сейчас прилечь, она немедленно уснет прямо на земле.

– Эй, – сказала Валеска, толкнув одной рукой Инвара, а другой – Араима. – Эй, просыпайтесь.

Те открыли глаза, и, держась за головы, медленно сели.

– Ну, это было и в половину не так страшно, как я думал, но куда неприятнее, чем я мог предположить, – пробормотал Инвар. – Уже утро? Не могу поверить. Как ты, брат Араим?

– Ничего, – сказал Араим, тряся головой. В его гладких волосах запутались травинки и сухая листва. – Все нормально. Вы видели духов?

– Да, это было ужасно, – сказала Валеска. – Я видела маму... и отца.

– Я тоже видел отца, – кивнул Инвар. – Могу поклясться, что этот морок был похож на моего отца в точности. А ты, Араим?

– У меня было видение... – Араим потер виски и медленно поднялся. – Нет, духов я не видел. Но, кажется, видел собственную смерть.

Инвар обеспокоено взглянул на него.

– Почему ты думаешь, что видел свою смерть? И что же ты видел?

– Это сложно объяснить. Там было очень темно и очень, очень холодно. Вокруг был снег – под руками, под ногами, и был сильный ветер. Я шел сквозь метель и когда, наконец, упал, почувствовал, что у меня нет сил подняться, а снег уже заносит мое тело. Это было очень неприятно. Но больше я ничего не видел, – Араим провел руками по волосам и одернул куртку. Его лицо приобретало постепенно свое обычное бесстрастное выражение.

– Что мы будем делать теперь? – спросила Валеска.

– Попробуем поискать лесничего и его жену. И я напишу письмо в форт, – сказал Инвар. Он тоже встал, отряхнулся и оглушительно свистнул. В ту же секунду откуда-то из лист-

вы к нему спорхнула птица. Это была лесная горлица. Воркуя, она уселась Инвару на плечо.

– Что ж, не сорока и не сова, но тоже быстрый посланник, – сказал Инвар. Он достал из сумки пачку бумаги, перо и походную чернильницу и, расстелив лист на колене, стал писать.

– Я пройду по окрестностям, – сказал Араим Валеске. – А ты набери, пожалуйста, воды в колодце. Нужно напоить лошадей.

Каменный колодец хорошо сохранился посреди пожарища, но сгорел его деревянный навес. Однако уцелел рычаг, с помощью которого из колодца поднимали воду, и Валеска, навалившись на него, достала ведро и перетащила его на землю. Вода была мутноватая, в ней плавали обгоревшие и обуглившиеся щепки – видимо, оставшиеся от навеса – но пить ее, видимо, было можно. На всякий случай Валеска зачерпнула воду из ведра ладонью и попробовала. Да, эта вода вполне годилась.

Напоив каждую лошадь, Валеска вернулась к колодцу, чтобы набрать воды для них самих, но тут из леса быстрым шагом вышел Араим. Инвар, закончивший писать письмо, запечатал его и отдал горлице. Та сорвалась с его плеча и улетела.

– Я нашел их, – сказал Араим.

– Где они?

– Там. За деревьями. Они убегали, их преследовали. –

Араим протянул Инвару обломок стрелы с ярким оперением. – Эта стрела убила охотника.

– Это эльфийская стрела, – сказала Валеска.

Инвар и Араим посмотрели друг на друга, и Инвар сказал:

– Нужно осмотреть это место. Подожди тут, Валеска.

– Я пойду с вами! – запротестовала она.

– Тебе не на что там смотреть, – отрезал Инвар.

– Но я...

– Ты обещала, что будешь слушаться нас, – сказал Инвар. – И не будешь обсуждать приказы. Сиди здесь.

– Я не предполагала, что будет такое. Я пойду с вами, – упорно повторила Валеска. – В конце концов, я их... знала.

– Пусть идет, – махнул рукой Араим. – Неизвестно, сколько еще мертвых тел ей доведется увидеть за свою жизнь. Пусть эти будут первыми. Они, по крайней мере, не обезображены.

После этих слов Валеске уже расхотелось идти, но отступить было поздно. Чувствуя, как к горлу подступает комок, она пошла за Инваром и Араимом.

Джаред и Айгуль лежали во мху недалеко от пожарища. Лес в этом месте был редким, подлесок почти отсутствовал, и лучи солнца, косо падающие сквозь листву, создавали в роще великолепное ощущение столбов света, струящихся между деревьями. Это место было настолько же красиво, насколько легко простреливалось.

Джаред лежал на спине чуть ближе к Лесничеству. Из его

горла торчал обломок древка той стрелы, которую принес Араим. Глаза лесника вылезли из орбит, рот широко открылся, и из него текла кровь – много крови – которая теперь запеклась на его лице, шее и мху под его головой.

Тело Айгуль лежало чуть дальше на животе. Из ее спины торчали сразу три стрелы. Судя по раскинутым рукам и разметавшейся юбке, ее застрелили на бегу.

Застрелили в спину.

Валеска, оцепенев, смотрела на тела Джарета и Айгуль, и внезапно она увидела то, что заставило ее передернуться: в волосах Айгуль, сверкающих в лучах солнца золотом, копошилась лесная крыса. На секунду она высунула мордочку и тут же снова зарылась в волосы мертвой женщины.

Инвар и Араим молчали, и Валеска почувствовала, насколько нереальным и одновременно пугающе реальным было это зрелище. Ей захотелось закричать, но она сдержалась.

Инвар подошел к телу Айгуль и склонился над ним, разглядывая оперение стрел, убивших женщину.

– Это эльфийские стрелы, – как и Валеска некоторое время назад, негромко произнес он.

– Да, – сказал Араим. – Ими пользуются люди в Лесном форте.

– Как думаешь, сколько их было?

– Я не знаю, – Араим пожал плечами. – Если здесь и были следы, их смыло дождем. Но если бы здесь прошла конница, я думаю, мы заметили бы это.

Коннице необязательно было бы идти сюда. Даже если нападавших было много, они могли послать нескольких людей.

– Вот что меня смущает, – сказал Араим. – Эти стрелы и то, как все выглядит. Кажется, будто бы этот человек, Джаред, не был готов к нападению. Когда его убили, он стоял лицом к нападавшим. Но при нем нет оружия.

– Они могли разоружить его.

– Тогда какой прок был гнать его в лес, чтобы убить? Разоружить, запереть в избе и поджечь ее – гораздо проще, – возразил Араим.

– Мне тоже многое кажется странным, – сказал Инвар. – Как будто бы он не до конца осознавал опасность, исходящую от тех, кто напал на них.

– Что мы будем делать?

В это время Валеска развернулась и, не разбирая дороги, побежала назад к стоянке. Она готова была поклясться, что, останься она рядом с трупами еще на минуту, ее бы стошнило.

– Думаю, следует похоронить их. С другой стороны, я послал в форт письмо. Не лучше ли будет предоставить лесным людям самим хоронить своих мертвых?

– А что ты думаешь о том, что их убили свои же люди?

Инвар задумался.

– Я не могу не думать об этом в связи с Джеммой. Может быть, в ее отряде произошел раскол, попытка захватить власть? Тогда в целом становится понятным, как это

могло произойти: группа людей и эльфов вероломно напала на Джемму и ее приближенных, скажем, на стоянке, убили во сне большую часть и добились тех, кто пытался сопротивляться, а потом ушли в леса. Ее отряд состоял как минимум наполовину из эльфов. Если они взбунтовались и ушли, то неудивительно, что они не оставили следов – эльф может пройти по лесу и не задеть ни травинки.

– Но лошади, оружие, снаряжение?

– Лошади не слишком нужны эльфам, они жили без них тысячелетиями до прихода людей. Возможно, им удалось замести следы. Допустим, умертвив всех – и лошадей, и людей – и сбросив их в Черное озеро.

Араим задумался.

– И после этого они пришли сюда, разграбили и сожгли лесничество и убили его хозяев? Мне кажется это странным. Не должны ли они были скрываться и дальше? Ведь этот поступок ничего им не дал в стратегическом смысле.

– Не забывай, Джаред был женат на их женщине, – Инвар кивнул на тело охотника. – Возможно, у них были к нему личные счеты только из-за этого. Тебе ли не знать эльфов.

– Лесных эльфов я, действительно, не знаю, – сказал Араим. – Но ничего хорошего от них я не жду. Любой разумный человек на моем месте не доверял бы им до конца.

– Кроме жителей леса.

– Да, кроме них.

Они помолчали.

– Перенесем тела на кострище, – предложил Араим. – Пусть Айриз и его люди сами решают, как поступить с ними.

Валеска не смогла помочь им в перетаскивании тел. Она сидела у костра, стараясь не смотреть в ту сторону, где Инвар и Араим сооружают у останков главной избы настил из еловых лап. Когда они принесли из леса тела, Инвар попытался скрестить им руки на груди, но трупы уже слишком окоченели, чтобы это можно было сделать. Валеска успела заметить, что платье Айгуль, которую мужчины уложили на спину рядом с мужем, пропиталось на груди кровью и было испачкано в земле и сухой хвое.

– Нам лучше не задерживаться, – сказал Инвар, подходя к Валеске. – Теперь я практически уверен, что дело плохо. Нам следует послать еще одно письмо в форт и немедленно выезжать в столицу. Возможно, зреет восстание.

– Хорошо, – бесцветно откликнулась Валеска. – Конечно, нам пора ехать.

Они быстро навьючили лошадей и тронулись в путь, оставив позади пепелище и два тела, укрытых покрывалом. Валеска ехала замыкающей, не поднимая глаз и не глядя вперед. Там, впереди, лежала совсем незнакомая дорога, незнакомые места, которых она не знала и боялась.

«Ты хотела стать взрослой и самостоятельной», – насмешливо твердил в ее голове неприятный внутренний голосок, – «Ты хотела быть похожей на Джемму. Великая воевода, бесстрашная воительница! Ты же ведь всего лишь хотела кра-

сиво ехать на красивой лошади по главной площади столицы, держа в руках красивый, никогда не бывавший в бою, меч? Получи же свою самостоятельность и взрослость, получи и посмотри, как боги посмеются над тобой».

Инвар и Араим решили попытаться сделать переход до границ леса без остановок – по их подсчетам, получалось, что через сутки езды они достигнут равнин. Оставаться на ночевку в лесу после последних событий никому не хотелось. Валеска, то ли после всего пережитого, то ли потому, что уже привыкла, перенесла эту поездку на удивление легко. Она сама не узнавала свое тело, которое не болело и не затекало от долгого нахождения в седле. Ей даже показалось, что ночью она несколько часов продремала, не выпуская из рук поводья.

К обеду следующего дня лес стал редеть. Красные метки охотников из чащи сменились синими метками равнинных охотников, живших на приграничных к лесу территориях. Солнце едва коснулось краем горизонта, когда впереди показались поля – бескрайние и совершенно ровные, на них не было ни деревца, и такое количество простора потрясло Валеску, никогда не бывавшую нигде, кроме леса.

– Вот это да! – не удержавшись, воскликнула она.

С двух сторон от дороги теперь тянулись пашни, и небо казалось гораздо выше, чем в лесу. По нему плыли огром-

ные, пушистые облака. И пахло тут совсем по-другому – землей, пылью и немного навозом. Валеске показалось, что воздух на равнинах как будто более жидкий, без примеси острого букета трав, сырости и древесной коры.

До Орлиной крепости оставалось не более двух дней пути, и это несколько воодушевило Инвара и Араима. Письмо от Айриза догнало их в пути, когда они только выехали на равнины – тот писал, что собирает отряд и отправляется в Южное лесничество сам, чтобы своими глазами увидеть описанное ими. Айриз также желал им удачи в пути и выражал огромное облегчение, что путешественникам удалось пережить Срок возвращения душ.

«По правде сказать, я молил за вас всех богов», – писал Айриз, – «Но впервые в своей жизни не был уверен, что боги услышат меня».

К вечеру первого дня на равнинах они добрались до постоянного двора, украшенного державным гербом, который Валеска уже видела на печатях королевского двора – два меча, перекрещенных на фоне щита. Во дворе стояли несколько лошадей и пара телег, и мальчик-работник копошился рядом с мешком корма и щеткой, готовясь приступить к мытью и кормлению животных.

– Эй, парень, есть ли еще места на вашем постоялом дворе? – крикнул ему Инвар, остановив лошадь.

– Места у нас всегда найдутся, – важно ответил мальчик, смерив компанию оценивающим взглядом. – Но пла-

тить лучше серебром – мы не принимаем *деревянные* деньги.

– Маленький гаденыш! – усмехнулся Араим. – Что, брат Инвар, кажется, мы настолько пропитались за все это время лесом, что нас принимают за лесных жителей?

Валеска следила за беседой несколько озадаченно. Деньги, бывшие в ходу в форте и других лесных землях, действительно, были деревянными и изготавливались из специально обработанной осины. Ей никогда не приходило в голову, что деревянные деньги могут быть чем-то плохи.

Они завернули к постоялому двору и спешили. Мальчик подошел к ним, чтобы отвести лошадей в стойла.

– Ничего себе! – присвистнул он, бросив наметанный взгляд на дорожный костюм Араима со всеми его серебряными пряжками и бляхами, – Не знаю, кто вы, господа, но не сомневаюсь – серебро у вас найдется, и в избытке.

– Безусловно, – сказал Инвар и кинул ему монетку. Мальчик поймал ее налету. – Еще одну получишь, если будет поменьше работать языком.

– Конечно, господин, – мальчик уважительно закивал. – Я понимаю. Задам вашим лошадям первоклассного овса.

Постоялый двор представлял из себя крепкую двухэтажную постройку прямо у дороги и еще одну избу, пониже и гораздо более длинную, на заднем дворе. Они вошли в большое строение и оказались в таверне – вдоль стен стояли длинные столы с лавками, а в углу, у лестницы, ведущей наверх, расположился на табуретке толстый лысеющий мужик

в потертых кожаных штанах и фартуке, надетом прямо на голую грудь. Больше никого не было.

– Приветствую, уважаемый, – сказал Инвар, подходя к мужику. Он заранее достал кошель и подкидывал его на ладони, позвякивая лежащими внутри монетами. Это был правильный ход – хозяин, который, казалось, сперва вообще не обратил внимания на их приход, немедленно перестал дремать.

– Привет и тебе, – сказал он, смерив Инвара взглядом. – Чего хотите? Стол, постель, баню?

– Нам нужно все вместе, – ответил Инвар. – Нас трое, и мы устали с дороги и хотим помыться и поесть.

– Еда будет через час, – сказал хозяин, обернулся и открыл крохотную дверку, находившуюся, как оказалось, за его спиной.

– Власта! – рявкнул он в помещение за этой дверцей. Оттуда валил дым и пахло кухней. – Приготовь обед на трех человек! Да не забудь хорошего пива!

Отдав приказ, он снова повернулся к Инвару.

– Баню я pošлю делать сына, когда тот закончит с лошадьми. У меня сейчас не так много постояльцев, так что место для вас найдется. Пустует почти половина гостевого дома. Но если вы хотите расположиться с удобствами – есть одна комната на втором этаже здесь. Это будет стоить вам три серебряных за ночь. Обед и баня – по пол-серебряного с человека.

Инвар молча отсчитал шесть серебряных монет и протянул их хозяину.

– Хорошее серебро, – сказал тот, попробовав монету на зуб. – Интересно, где такое отливают?

– Это не твое дело, – сказал Инвар.

Хозяин хмыкнул и с кряхтением поднялся с табуретки. Пошарив в карманах своих необъятных штанов, он протянул Инвару ключ.

– Наверх и направо, – сказал он.

Комната, стоившая три серебряных за ночь, оказалась загажена мышами. Окно здесь не мыли, кажется, никогда, и увидеть сквозь него что-либо было практически невозможно. Стены и потолок покрывала копоть. Белье на кровати выглядело достаточно чистым, но обильно было покрыто заплатами и штопками.

– Ну что ж, выбирать нам не приходится, – отметил Арам, когда они оглядели свое временное пристанище. В комнате не было никакой мебели, кроме кровати и стула. Кровать, правда, легко могла вместить пятерых, но на ней было всего два крохотных одеяла.

– Никогда не любил метрополию именно за это, – поморщился Инвар и попытался приоткрыть окно. Когда ему это удалось, в комнату ворвался свежий вечерний ветерок, и запах затхлости слегка отступил. – Он держит постоялый двор и считает себя маленьким местечковым королем. При этом ему и в голову не приходит убирать в хлеву, который он на-

зывает гостиницей. Представляю, какими помоями нас накормят на обед.

– Да, в пути нам редко бывает комфортно, – кивнул Араим. – Я бы воспользовался тем часом, что у нас есть, для того, чтобы закончить наши дела. Интересно, получится ли у нас послать письмо?

Араим выглянул в окно и свистнул. Ко всеобщему удивлению, они почти сразу услышали хлопанье крыльев, и на козырек окна опустилась какая-то большая птица – судя по времени суток, сова.

– Напишем Айризу, что мы добрались, и в столицу, что мы приближаемся, – сказал Инвар. – Кроме того, нужно написать и домой.

Они с Араимом сели писать письма.

Воспользовавшись этим, Валеска сама подошла к окну и высунулась наружу. Она увидела внизу внутренний двор между зданием таверны и длинным баракom, который, видимо, служил гостиницей для менее зажиточных гостей. Двор представлял собой утоптанную голую землю, кое-где в лужах стояла протухшая вода. Почти ровным слоем всю территорию двора покрывал мусор и нечистоты. В углу двора полная женщина, одетая в грязное платье и такой же замызганный фартук, стирала в деревянной бочке белье. Белье в наступающих сумерках выглядело таким же серым и грязным, как и все вокруг.

«Так вот вы какие, Равнины», – с удивлением подумала

Валеска. Она мало знала об этих местах. Насколько ей помнилось, мать никогда не говорила о равнинах, а отец, который бывал там минимум раз в год по государственным делам, рассказывал ей о том, как прекрасна Орлиная крепость, как богато убран королевский дворец и какие красивые железные доспехи носят местные воины. Однако ничем подобным пока и не пахло. Пахло, в основном, мусором и отбросами.

– Отдай письма, Валеска, – сказал за ее спиной Араим. Она взяла у него два запечатанных послания и наугад протянула руку куда-то вверх, где сидела скрытая козырьком окна сова. Письма немедленно выскользнули из ее пальцев, раздалось хлопанье крыльев – и все стихло.

После ужина – он был довольно сытным, но не вкусным – они вернулись в комнату и улеглись спать. Инвар и Араим уснули быстро, а Валеска не спалось. Она ворочалась несколько часов подряд и не могла понять, что ей мешает. Наконец, она поняла. Звуки. Точнее, их отсутствие.

Не падали с деревьев шишки, не ухали в чаще совы, не шумел ветер в кронах деревьев, не трещали ветки под копытами пугливого оленя, вышедшего к водопою. Стояла мертвая тишина, только где-то вдалеке, видимо, в поле, нетрезвый голос вдруг затянул песню, и до Валески донеслись слова:

– ...ой, а как отца забрили в солдаты, ой, мать-то мной была брюхата, так и покатился я по миру – так и пошел по-

меру...

Валеске стало грустно. Она перевернулась на спину. Было слышно, как во сне дышат Инвар и Араим. Но их присутствие, пожалуй, впервые за все это время, не могло до конца развеять ее тоску.

Наутро после завтрака – он состоял из пустой каши, сухого хлеба и слегка подкисшего молока – они снова двинулись в путь.

После отдыха Валеска обнаружила в себе гораздо больше интереса к окружающему миру, чем накануне. Она во все глаза глядела по сторонам. Чем дальше они ехали, тем более населенным становился новый мир, открывающийся перед ней.

На дороге стали все чаще встречаться запряженные в телеги и повозки лошади. Многие из них везли сено, овощи или шкуры, а правили ими крикливые бородатые мужики, кутившие табак и громко переговаривающиеся с каждым встречным. Казалось, что крикнуть что-нибудь встречному путнику здесь было правилом хорошего тона. «Приветствую, господа!», «Расступитесь, дайте дорогу!», «Купите рыбу!» – то и дело доносилось до них. Они миновали две или три деревушки – небольшие, но чистенькие и аккуратные – и проехали поле, на котором крестьяне пололи сорняки. Чумазы крестьянские дети играли у обочины дороги, и то и дело кто-

то из них пускался бегом следом за путниками, размахивая руками и что-то крича. Валеске казалось, что люди на равнинах более открытые, чем в лесу. Возможно, это объяснялось тем, что в лесу людей было значительно меньше, да и привычки, перенятые у эльфов, давали о себе знать – а эльфы не были любителями кричать без повода. Иной раз при встрече они могли удостоить тебя только молчаливым кивком головы – и это означало вполне вежливое приветствие.

– Уважаемый, не найдется ли огоньку? – обратился к Инвару очередной проезжающий мимо на телеге, полной корзины с курами и утками, бородатый мужичок. Инвар достал огниво и помог тому раскурить трубку.

– Куда путь держите? – спросил мужик, окинув их взглядом. – Издалека, чай?

– Издалека, – уклончиво ответил Инвар. – А едем в столицу.

– Ох, хороша наша столица! Ннннууууууу, дохлая, пошлааааааа! – крикнул мужик, хлестнув лошадь кнутом. Та, словно очнувшись ото сна, бодро затрусилась дальше.

– Какие удивительные люди, – сказала Валеска. – У нас не принято заговаривать с каждым встречным.

– У нас тоже не принято, – сказал Инвар.

– Особенно если этот встречный – Инвар, – добавил Араим.

– Араим говорит так, словно сам каждое утро начинает с того, что спускается со ступеней дворца одетым в рубище

и идет в народ, – заметил Инвар. – Однако я что-то не замечал тебя за этим, Араим.

– Я делаю это по ночам, когда ты не можешь видеть меня, – ответил Араим. – К тому же, мой народ не носит рубищ, и мне нет нужды в этом камуфляже.

– К Джемме мог прийти любой, кто живет в форте. Но вот все, кто приезжали издалека, должны были встречаться с ней, как гости, – сказала Валеска.

– У нас также, – коротко ответил Инвар, – За исключением того, что никто не может приехать в Северные горы просто так.

– Почему? – спросила Валеска.

– Потому что так заведено, – ответил вместо Инвара Араим. – Мы издревле живем очень закрыто. Я помню легенды, которым многие сотни лет, сложенные еще до того, как к нам пришли предки Инвара. В них говорилось, что мы примем к себе только людей, которые придут со звезд, как пришли когда-то мы.

– А как эльфы узнали, что предки Инвара – это именно те люди?

– Это было сразу понятно, ведь пророчества толкуют жрецы, которые владеют великой мудростью. К тому же, они пришли с севера, где не живут даже эльфы. Там, на севере, вообще нельзя было жить. На этих людях были одежды, сшитые из шкур снежных обезьян, сражаться с которыми мы тогда не умели. И мы приняли этих людей, потому что так ве-

лело пророчество.

– А почему они ушли оттуда?

– Потому что пророчество говорило им прийти к нам.

– То есть они тоже знали эльфийское пророчество? – уточнила Валеска. Араим посмотрел на нее так, словно впервые увидел.

– Пророчества никогда не врут, – сказал он. – Они просто должны были прийти, потому что так было предсказано.

– Кем предсказано? – снова спросила Валеска. В этот раз Инвар и Араим переглянулись между собой.

– Богами. Звездами. Самим пророчеством, – сказал Инвар.

– То есть у северных горцев тоже существовало пророчество, говорившее, что вы должны прийти к эльфам?

– Нет. Звезды сказали нам, что мы должны пойти на юг. Звезды указали это моему прапра- и еще много раз пра-щуру. Пророчество было у эльфов.

– Как думаешь, брат Инвар, будем ли мы сегодня ночевать уже в столице? – спросил Араим, которому, видно, надоело отвечать на вопросы Валески.

– Не знаю, – ответил тот. Солнце постепенно клонилось к закату, и пашни по обе стороны от дороги уже не радовали взгляд новизной, а только утомляли его. – Спросим у следующего, кто нам встретится, далеко ли еще до Орлиной крепости.

Следующим, кто встретился им по пути, оказался кре-

стьянин, работавший в поле. Они увидели его уже в сумерках: крестьянин шел за плугом, который тащила молодая рыжая лошадь с белым пятном на боку, и что-то насвистывал себе под нос.

– Уважаемый! – поравнявшись с ним, крикнул Инвар. – Далеко ли еще до столицы?

– До столицы? – крестьянин остановился, обернулся и пригладил усы. – За ночь доберетесь, к утру будете на месте. Но не советую.

– Почему? – спросил Араим.

– Вы, я вижу, люди в наших местах новые, – также рассудительно продолжал крестьянин. – И не бедные. Наверное, хорошие воины. Но по ночам у нас стараются не ездить. Разбойники. Ловят их солдаты, ловят, а все никак не переловят. Вот, вчера обоз ограбили, возницу убили, сына его покалечили. Ужас, что творят. А вы, господа, вижу, вооружены хорошо, да только с мечами против топоров да палиц не советую-с. Да и девочка с вами.

– А где здесь ближайший постоялый двор? – спросил Инвар.

Крестьянин засмеялся.

– Так ближайший в крепости, – сказал он. – Нет, здесь постоялых дворов нет. Но есть деревня. Вон там, – он махнул рукой в сторону перелеска, которым оканчивалось поле.

– Посоветуешь ли хорошего человека, у которого можно остановиться на постой?

– Отчего же не посоветую. Можете у меня остановиться, – сказал крестьянин. – Только кормить вас мне нечем, жена уже, поди, спать легла. У меня трое ребятишек, за всеми уход нужен, не с руки ей еще и для гостей готовить. И в доме я вас вряд ли положу, да и никто не положит. Но у меня есть сеновал. Хороший, добрый сеновал, под самую крышу забит сеном. Выспитесь, как короли.

Араим, Инвар и Валеска переглянулись.

– Что ж, я вижу, что ты честный человек, – сказал Инвар, – Показывай нам, куда ехать.

До деревни они добрались, когда уже совсем стемнело. Дом крестьянина оказался самым крайним – добротно сложенная изба с небольшим, ухоженным двором и забором, вдоль которого росли подсолнухи. Сеновал располагался в клети за домом. Его дверь можно было закрыть изнутри на запор. Крестьянин принес им ведро воды из колодца, отвел лошадей в конюшни, и пожелал спокойной ночи. Попрошавшись с хозяином, путники стали располагаться на ночлег.

Несмотря на то, что здесь, в отличие от постоялого двора, не было вообще никаких удобств, Валеска чувствовала себя гораздо спокойнее, чем предыдущей ночью.

Крестьянин не соврал: клеть под самую крышу была забита сеном, остро пахнувшим солнцем и лугом, и это сено прямо-таки шептало: «Забирайся сюда, закопайся в меня, спи!».

Валеска забралась в самый дальний угол сеновала, расте-

лила свой плащ, легла на него, сапоги положила под голову, сверху накрылась одним из дорожных одеял. Получилось лучше, чем на кровати. За стеной, в соседней клетке, тихо квохтали во сне куры. Она уснула, как только закрыла глаза.

Ночью Валеску разбудило тихое пение. Она не сразу поняла, снится оно ей или нет. Пение доносилось со двора.

Валеска подняла голову и огляделась: Инвар спал чуть в стороне от нее, завернувшись в одеяло. Араима не было: его плащ был расстелен на сене у самого входа в клетку, но рядом не было ни сапог, ни оружия.

Валеска осторожно сползла на пол, натянула сапоги. Дверь на сеновал была приоткрыта. Подойдя к ней, девочка осторожно выглянула наружу.

Двор заливал лунный свет. Полная луна висела, казалось, прямо над сараем. Араим стоял, закинув голову к небу, чуть в стороне, спиной к Валеске. Перед ним в землю был воткнут его меч.

Сперва Валеска не поняла, откуда исходит пение, продолжавшее звучать, но теперь ей стало понятно: пел Араим. Это была странная песня: она напоминала одновременно и волчий вой, и свист ночного соловья, и в то же время, была не похожа ни на что. Внезапно песня оборвалась. Араим опустился на колени возле своего меча, прижал руки к груди и застыл. Он продолжал смотреть вверх, на луну, и те-

перь Валеска могла видеть его лицо, которое странным образом изменилось. Его смуглая кожа выглядела неожиданно бледной, почти серой. Глаза отливали желтым, словно волчьими. Араим снова запел, и в лунном свете блеснули клыки – длинные и белые, не человеческие. Валеска попятилась назад и наткнулась на Инвара.

– Тихо, – сказал он, успокаивающе похлопав ее по плечу прежде, чем Валеска успела испугаться.

– Что он делает? – шепотом спросила Валеска, кивнув на Араима.

– Молится, – также шепотом ответил Инвар. – Сегодня полнолуние. Для его народа это особый день.

– А почему он... такой?

– Какой? – Инвар осторожно, стараясь не скрипнуть дверью, прикрыл ее, и повернулся к Валеске.

– Не такой, как обычно, – девочка развела руками. – Может, мне и показалось... но клыки... и глаза...

– Ты просто не знаешь, как выглядят горные эльфы, – улыбнулся Инвар. – Он не во всем похож на них, но во многом похож. Ложись спать.

С этими словами Инвар вернулся на свое место. Валеска тоже забралась обратно, легла, закрыла глаза. Сон больше не шел. Со двора донесся звон колодезной цепи.

– А что...

– Теперь ему нужно умыться водой, которая видела полную луну, – сказал Инвар, не открывая глаз. – Пожалуйста,

спи. Завтра будет трудный день.

Воцарилась тишина. Через некоторое время дверь клетки приоткрылась, и Араим, неслышно ступая, вошел, задвинул засов и лег на свое место. Валеске показалось, что с его приходом вокруг стало немного светлее, как будто эльф принес на себе крупицы блестящей лунной пыли. Но теперь, когда все были на месте, ей стало как будто спокойнее – и она уснула.

Валеске снова приснилась Аргуна, богиня-хранительница леса. Во сне они сидели на больших валунах в том месте, где река Игрунка срывалась с небольшого водопада вниз, а плакучие ивы склонялись так низко, что их длинные ветви касались воды.

– Я любила играть здесь в детстве, – сказала Валеска, с удивлением оглядываясь вокруг. – И даже не помню, когда перестала. Я так давно не была в этом месте!

– Я все знаю, – сказала Аргуна. На ней было простое белое платье до пят, а гладкие волосы украшал венок из птичьих перьев. – Я хотела, чтобы ты вспомнила это место, Валеска. Ведь ты покидаешь лес.

– Но я еще вернусь! – воскликнула Валеска.

Аргуна улыбнулась. Улыбка, как всегда, вышла печальной. Богиня наклонилась и взяла руки Валески в свои.

– Никто не в силах изменить судьбу человека, девочка, – сказала Аргуна. – Ни боги, ни колдовство – только сам человек может это сделать. Твоя судьба поменялась в тот день,

когда мы встретились впервые. Но боги могут помогать людям. И я хотела бы помогать тебе и дальше, но моя власть ограничена лесом. Однако у меня есть кое-что для тебя.

Аргуна сняла с головы венки и вынула из него длинное коричневое перо с черной опушкой.

– Возьми его. Если я понадобится тебе, сломай перо надвое, и я появляюсь.

– Спасибо, Аргуна! – Валеска взяла перо и спрятала его за пазуху. Потом набралась смелости и спросила:

– Так значит, тогда, в лесу, я действительно видела тебя?

– Конечно, а кого же еще? – улыбнулась Аргуна.

– Это ты привела Инвара и Араима ко мне?

– Они сами пришли к тебе. Я лишь помогла им найти правильную дорогу.

– Почему ты мне помогаешь?

– Потому что ты – дитя леса. Как бельчата, которые живут в дупле, или лесовики, живущие под пнями.

– Но я совсем никогда не молилась и не делала ничего, чтобы боги хорошо относились ко мне, – призналась Валеска. – И теперь мне так стыдно...

– А бельчата молятся? А лесовики? – возразила Аргуна. – Боги не выбирают, кому помогать, а кому нет. Их любовь нельзя заслужить или потерять. Я просто люблю тебя, как люблю каждую травинку в лесу. И плачу каждый раз, когда теряю хоть одну травинку.

– Аргуна, – Валеску внезапно осенило. – Ты богиня! Ты

все знаешь о лесе! Скажи, где моя тетка? Она жива?

Аргуна нахмурилась. Но не в ответ на валескин вопрос: она сидела к ней лицом, и что-то там, за спиной девочки, богине внезапно очень не нравилось.

– Пора прощаться, Валеска, – быстро сказала Аргуна и встала с валуна. – Помни про перо.

– Я буду помнить! – пообещала Валеска и тоже встала. Она хотела обернуться и посмотреть, куда, не отрываясь, напряженно глядит богиня, но в это время совсем рядом, словно над ухом, пронзительно закричал петух – и Валеска проснулась.

Она открыла глаза и села, пытаясь стряхнуть с себя тревожное ощущение, которое оставил сон. Солнце еще не встало – в клети стоял голубоватый полумрак. Инвар и Араим тоже заворочались на своих местах.

Петух закричал вновь, ему ответил другой, где-то залаяла собака: деревня просыпалась. Дверь сеновала приоткрылась, и внутрь заглянул маленький мальчик, одетый в одну рубаху.

– Отец завтракать зовет, – важно сообщил он и убежал.

Быстро умывшись водой из колодца, они прошли в дом, где хозяин усадил их за одной стол со своей семьей. Жена крестьянина, расторопная полная женщина, налила всем молока и выставила на стол котелок с кашей.

– Обедать сегодня будете уже в Орлиной, гости дорогие, – широко улыбаясь, сообщила она. – А пока поешьте как следует перед дорогой.

На прощание Инвар и Араим долго жали крестьянину руки, а тот отказывался от серебряных монет, которые они пытались вручить ему за постой и радушный прием. В результате путникам удалось договориться с хозяином о том, что в Орлиной крепости они найдут старшего сына крестьянина – мальчика примерно валескиного возраста по имени Василь – и отдадут деньги ему.

– Он у нас в гвардию готовится, хороший парень вышел, – довольно попыхивая трубкой, сообщил крестьянин. – Но деньги, конечно, нужны, в столице много денег нужно, даже когда живешь на всем готовом. А мне они зачем? Меня земля кормит.

Они выехали из деревни, когда первые лучи солнца осветили поля.

– Какие разные, все же, люди живут на равнинах! – сказал Араим. – Этот человек был так добр к нам. Но стоит вспомнить тот прием, который оказали нам на постоялом дворе...

– В горах все иначе, – согласился Инвар.

– И в лесу, – сказала Валеска. Воспоминания о ночном сне уже начали стираться, но она все равно ощущала тревогу, вспоминая о нем. Валеске хотелось рассказать про сон Инвару и Араиму, но что-то ее останавливало – и от этого было вдвойне тревожно.

– Ведь Айриз ничего не писал уже два дня? – спросил Араим, и этот вопрос вернул Валеску назад в реальность из мира собственных мыслей. Они ехали уже почти час,

и становилось жарко.

– Не писал, – кивнул Инвар. – Я хочу подождать до столицы. Если там нас не будет ждать письмо от него, я напишу ему сам.

– Это стоит сделать, – согласился Араим.

Валеска опять задумалась. Почему-то то, что от Айриза не было писем, показалось ей каким-то образом связанным с ее сном. Но как именно, Валеска не знала.

Что-то мешалось под одеждой и кололо в ребра. Валеска сунула руку за пазуху и достала мешающийся предмет. Это оказалось длинное птичье перо – коричневое, с черной опушкой. Некоторое время девочка удивленно разглядывала его, а потом спрятала поглубже в кармане куртки.

Столица обрушилась на Валеску криками стражников и торговцев, грохотом телег по мощеным булыжником мостовым, оглушительной какофонией горнов и ржанием лошадей. Инвар и Араим, казалось, тоже чувствовали себя с непривычки не слишком комфортно, но они уже бывали в Орлиной крепости раньше и знали ее нравы, а для Валески все было впервые. Она даже забыла про свои тревожные мысли, и только успевала, что крутить головой по сторонам.

Дома здесь были каменные, высокие – в два или три этажа, а крепостные стены, казалось, вздымались до самых

небес. Улицы были полны людей: торговцев, солдат, спешащих на базар или с базара женщин, кричащих детей, стариков, сидящих на ступенях таверн за нардами или шахматами. Здесь приходилось постоянно следить за тем, чтобы под копыта лошади не бросились мальчишки, играющие в салки, собаки, бегущие за котами и кошки, бегущие от собак.

– Вот ты какая, Орлиная крепость! – восхищенно сказала Валеска вполголоса.

Проезжающие мимо солдаты на лошадях при виде Инвара и Араима отдавали им честь, прикладывая руку к забралу шлема, а те отвечали им короткими кивками. Поначалу Валеска не понимала, как военные узнают в них князей, но, когда они подъехали к королевскому дворцу, поняла, что город в курсе приезда высоких гостей с севера: над воротами, помимо королевских флагов, которые в городе встречались на каждом шагу, вывесили в знак их приезда еще два знамени: белое с синим и золотым крестами и зеленое с серебряным пегасом. Стражники, охранявшие въезд во дворец, салютовали гостям, и, не спросив никаких документов, пропустили их на территорию королевской резиденции. Да, северных горцев в столице уважали.

Сама резиденция короля показалась Валеске сопоставимой по размерам со всем городом. Дворец был окружен еще одной крепостной стеной, чуть менее высокой, чем городская, и внутри крепости шла своя, хоть и напоминающая городскую, жизнь. Здесь было больше военных, а помимо них,

встречались кадеты – мальчишки-подростки, одетые в одинаковую синюю форму, девушки в одинаковых белых платьях и голубых накидках, слуги в серых камзолах. Территория крепости была полна самых разнообразных построек – вдоль крепостной стены тянулись конюшни и птичники, откуда-то доносилось протяжное мычание коров и бляение овец, с другой стороны под навесами выстроились диковинные машины на больших деревянных колесах, накрытые тентами.

Путники проехали прямо к воротам дворца. Здесь, на высоком каменном крыльце – Валеска могла поклясться, что оно было такое же высокое, как весь их с Джеммой домик в лесном форте – их уже ждали. Затрубили горны, празднично одетые солдаты выстроились по стойке «смирно» на ступеньках, и на красную бархатную дорожку, раскатанную от дверей, вышла женщина, одетая в светлое платье со шлейфом. Она стала спускаться вниз, и Инвар, который вместе с Араимом и Валеской спешил и держал под уздцы свою лошадь, не смог сдержать удивления.

– Ванда! – воскликнул он. – Неужели это ты?!

Женщина широко улыбнулась. Было видно, что ей приятна такая реакция.

– Добро пожаловать в Орлиную крепость, князь Инвар, хозяин Громовых скал и Алмазных вершин, и Араим, гордый князь Серебряных гор, – торжественно произнесла она, остановившись на середине лестницы. Голос у незнакомки, которую Инвар назвал Вандой, был низкий, зычный, в нем

слышалась сила. Она вся излучала силу: высокая – одного роста с Араимом, стройная, с загорелым лицом и кудрявыми рыжеватыми волосами, собранными в высокую замысловатую прическу. У нее было приятное, хотя и немного грубоватое, лицо, большой рот, вздернутый нос и ямочки на щеках, которые появлялись, когда женщина улыбалась.

– Приветствую и тебя, леди Ванда, и благодарю за гостеприимство, оказанное нам, – Инвар поклонился, приложив правую руку к сердцу. Араим повторил его приветствие и жест, и, когда взгляд леди Ванды скользнул на Валеску и задержался на ней, она тоже поклонилась, не решившись, впрочем, открыть рот.

– Это моя племянница, – сказал Инвар. – Валеска с Лесного перевала.

Валеска удивленно взглянула на него – ей и в голову не могло прийти, что Инвар назовет ее так, но леди Ванду это объяснение, кажется, полностью устроило. Внезапно она захохотала, сбежала по ступенькам вниз и принялась обнимать и целовать Инвара и Араима.

– А я и не поверила сначала, что вы на самом деле едете! – смеясь, говорила леди Ванда. – Когда мы виделись в последний раз? Десять лет назад, пятнадцать? Инвар, дай посмотреть на тебя. Ну, ты всегда был парень хоть куда! Араим! Ты с тех пор здорово возмужал! Кажется, ты все-таки меня перерос, помнишь, мы с тобой спорили, кто кого? Как я рада вас видеть, боги, как я рада!

– Ванда, ты только хорошеешь, – сказал Инвар, отстраняя ее от себя. – Дай и мне разглядеть тебя как следует. Ты стала красавицей. Хотя с тем, что это случится, никто, кажется, не мог поспорить и десять лет назад.

– Ладно тебе, – леди Ванда смущенно махнула рукой. – Красавицей! Уж мне-то можешь не рассказывать, я-то знаю, кого ты всегда считал настоящей красавицей! Да и все остальные тоже. Девочка! – она внезапно повернулась к Валеске. – Ты правда его племянница, или Инвар пошутил?

Прежде, чем Валеска успела ответить, Инвар сказал:

– Она племянница Джеммы. Но теперь, когда произошло то, о чем я писал тебе в письме, я посчитал своим долгом взять на себя заботу о ней.

– Валеска, ведь так тебя зовут? – Ванда потрепала Валеску по голове. – Не стесняйся, чувствуй себя, как дома. Ты можешь называть меня просто Вандой. Мы с твоим дядей, – она хохотнула, – да и с твоей настоящей тетей были дружны с детства. Идемте же! – и леди Ванда развернулась и, подобрав платье, быстро пошла во дворец.

– Она всегда была такой, – сказал Араим, глядя ей в след. – Удивительно, как иногда люди мало меняются с годами.

Конюхи повели их лошадей на конюшню, и путники стали подниматься по ступеням дворца вслед за леди Вандой.

– А кто она? – негромко спросила Валеска Араима, который шел рядом с ней.

– Она – сестра короля Марвина. И еще она руководит всей армией равнин.

– Ничего себе! – Валеска даже тихонечко присвистнула. – Королевская воевода!

– На равнинах это называется по-другому, но в общем – да, – кивнул Араим.

– А почему король Марвин сам не руководит своей армией?

– У него много других забот, к тому же, он никогда не любил военное дело. А Ванда, наоборот, всегда тяготела к этому занятию. Думаю, они оба довольны тем, как все сложилось, – сказал Араим.

Они вошли в огромную залу дворца. Она была высокой – такой, что приходилось закидывать голову, чтобы увидеть потолок. Сквозь высокие стрельчатые окна с витражами, изображавшимися сцены из жизни королевской династии, падали разноцветные лучи солнца. Между окнами стояли высокие вазы с благоухающими свежими цветами, а из центра залы начиналась широкая и пологая мраморная лестница, поднимающаяся к галерее второго этажа. Леди Ванда ждала их, но не одна – с ней была высокая худенькая девушка чуть постарше Валески, одетая также, как уже встреченные путниками – в белое платье и голубой плащ.

– Это старшая королевская фрейлина, – сообщила леди Ванда. Девушка с серьезным лицом поклонилась. – Ее зовут Адель. Она покажет вам ваши комнаты и будет выполнять

ваши поручения. Сейчас вам надо отдохнуть с дороги и переодеться. Дворцовые купальни уже ждут, а чистую одежду вы найдете в комнатах.

– Спасибо, Ванда, – сказал Инвар. – О лучшем приеме и мечтать было нельзя.

Ванда подошла и положила руку ему на плечо.

– О серьезных делах лучше говорить не на голодный желудок и не после долгого пути, брат Инвар, – сказала она. – Отдыхайте.

– Пожалуйста, за мной, – пригласила Адель. У нее был мелодичный приятный голосок, и сама она была очень красивая, похожая на фарфоровую статуэтку. Особенно красивыми были волосы Адель – темно-рыжие, вьющиеся, волнами обрамляющие ее кукольное лицо с синими глазами. Валеска всегда немного завидовала таким девушкам. Она никогда всерьез не задумывалась о том, красива она сама или нет, но ей всегда хватало самокритики для того, чтобы, сравнивая себя с такими, как Адель, понимать, что они точно красивее ее.

Подобрав шуршащие юбки, Адель стала подниматься по лестнице, и Инвар, Араим и Валеска последовали за ней. Фрейлина привела их на второй этаж, где гостям выделили три комнаты, имевшие каждая отдельный вход из коридора, но внутри соединенные проходами, которые закрывали только тяжелые расшитые гардины. Комнаты были большие и светлые, но Валеска все равно обрадовалась, что они

сообщаются между собой – с непривычки ей было немного неуютно в каменной роскоши королевской резиденции.

– Пожалуйста, располагайтесь, – сказала Адель, снова легонько поклонившись. – Эта комната для господина Инвара, эта – для господина Араима, а эта – для... вас, – она явно не запомнила Валескиного имени, или специально не стала называть его, но Валеске это почему-то не понравилось. Хотя, подумала она, кто я такая, чтобы мое имя запоминала старшая королевская фрейлина.

Почему-то эта мысль вызвала в ней чувство, отдаленно похожее на то, что она испытала, когда Айриз дал ей пощечину на глазах у всего форта.

– Я приду к вам через полчаса, чтобы сопроводить вас в купальни, – добавила Адель, поклонилась и ушла.

Это была история про Эльфийский лет. И здесь она заканчивается.

Большие равнины

Оставшись одна в своей комнате, Валеска подошла к окну и выглянула наружу. Внизу была внутренняя часть королевского двора, которую нельзя было увидеть от ворот. В центре находился большой фонтан, изображавший льва, борющегося с медведем. На белых каменных животных из воды с удивлением смотрели большеглазые рыбы, из ртов которых били струйки воды. По двору сновали туда-сюда люди – прачки, повара, солдаты. Валеска увидела Адель, которая быстро прошла через двор и скрылась в каменной постройке справа от фонтана. Из трубы над постройкой валил дым, а окна ее запотели изнутри. Валеска решила, что там находится прачечная. Вскоре Адель появилась снова – в руках у нее была большая корзина с чистым бельем.

Увидев белье, Валеска подумала, что неплохо было бы переодеться, и открыла свой дорожный мешок. У нее было не так уж много одежды: в мешке лежала сменная пара штанов, чистая рубаша и обмотки под сапоги. Сами сапоги тоже стоило бы сменить – починенная Инваром подошва уже снова стала отваливаться после долгого пути, но других сапог у Валески не было.

Разглядывая сапоги, Валеска присела на край кровати, и вдруг увидела боковым зрением какое-то движение в углу комнаты. Она подняла голову и оглянулась – там, где ей по-

чудилось движение, никого не было, а на стене висело огромное зеркало в массивной серебряной оправе. С зеркалом что-то происходило: Валеска не сразу поняла, что, но, встав и подойдя к нему, поняла, что зеркало абсолютно ничего не отражает. Его поверхность была матовой и серой.

Валеска подошла поближе, чтобы лучше разглядеть зеркало, и внезапно по стеклу прошла волна, потом еще одна, а потом Валеска увидела, что зеркало отражает какую-то незнакомую полутемную комнату, уставленную шкафами с банками и книгами.

В массивном кресле из темного дерева, стоявшим как бы по другую сторону зеркала, сидела женщина. Женщина эта была довольно странной: с одной стороны, ее можно было бы считать красивой, но что-то в ее правильном лице, на котором нельзя было разглядеть никаких примет возраста, придавало ему сходство с мордой злой белки. У женщины были длинные черные волосы, обильными волнами спадающие на плечи. Одетая она была в бархатное малиновое платье, довольно богатое, но выглядящее ветхим. Женщина курила через длинный мундштук тонкую самокрутку.

Увидев Валеску, она выпустила в потолок струйку дыма и сказала низким, грубоватым голосом:

– Так-так, а это у нас тут еще кто? Девочка, я что, ошиблась зеркалом? Мне нужен Инвар. Или Араим.

– Зд-д-дравствуйте, – заикаясь от растерянности, ответила Валеска. Она протянула руку и ощупала поверхность зер-

кала: оно было холодное и гладкое, как обычно. Женщина рассмеялась, наблюдая за ее жестами. Удивление Валески явно сильно ее позабавило.

– Так что, Инвар где-то рядом? – женщина встала со своего кресла и подошла к Валеске почти вплотную. Она оказалась довольно высокой и крепкой, но передвигалась с усилием, так, словно была глубокой старухой.

– Я сейчас его позову, – моргая, сказала Валеска и попятилась. Не сводя глаз с зеркала, она подошла к гардине, разделявшей ее комнату с соседней и заглянула за нее. Там никого не было, но из третьей комнаты доносились приглушенные голоса.

– Инвар! Араим! – позвала Валеска.

Гардина в комнате напротив раздвинулась, и из-за нее выглянул Инвар. Он уже переоделся в зеленый костюм с гербом своей страны, вышитым серебром на груди и на замшевом плаще, который он держал в руке.

– Что случилось, Валеска?

– Там... в общем, там тебя хотят видеть, – сказала Валеска, указывая за спину.

– Видеть? Кто? – Инвар подошел к ней.

– Какая-то женщина в зеркале. Я понимаю, что это глупо... – начала было оправдываться Валеска, но Инвар неожиданно улыбнулся и потрепал ее по голове.

– Я понял, о ком ты говоришь, – сказал он. – Наверное, она тебя напугала, эта женщина в зеркале. Не бойся ее.

Инвар вошел в комнату.

– Глинда! – воскликнул он, заглянув в зеркало. – Это неожиданно и очень приятно! Сколько лет мы не виделись!

– Здравствуй, мой мальчик, – женщина в зеркале улыбнулась и послала ему воздушный поцелуй. – Я тоже рада тебя видеть. Ты очень возмужал. А где же Араим?

– Он тоже здесь. Эй, Араим! – крикнул Инвар в сторону соседней комнаты. – Иди скорее сюда! Глинда хочет тебя увидеть!

– Глинда? – гардина, закрывающая вход в комнату Араима отодвинулась, и он появился на пороге. Эльф тоже успел переодеться, но его черный костюм почти не отличался от дорожного, в котором Валеска увидела его впервые.

– Вы оба – просто красавцы, – резюмировала женщина в зеркале, когда Араим подошел к ним и остановился рядом с Инваром. – Приятно посмотреть. И до сих пор вместе, что радует меня отдельно. Как встретила вас столица?

– Пока все прекрасно, – сказал Инвар, – Но мы едва переступили порог дворца и успели лишь переброситься парой приветственных слов с Вандой.

– Я беспокоилась, получив письмо от Араима, – Глинда вернулась в свое кресло, достала из-под стола бутылку с какой-то темной жидкостью и, отпив немного прямо из горлышка, снова поставила бутылку на пол. – Во-первых, письмо шло долго. Как я поняла, ты писал мне из Лесного форта, мой дорогой? Я прочла твое послание только позавчера и за-

беспокоилась. Да и птица, что принесла мне его, не внушала доверия. Какая-то будто испуганная, драная... я решила, что бессмысленно писать вам ответ и стала ждать, когда вы появитесь в замке. Как видите, я даже вспомнила некоторые старые фокусы для этого.

– Письма и правда стали ходить странно, – кивнул Инвар, – Мы уже несколько дней не получаем их от Айриза.

– Кстати, он что, правда стал временным комендантом Лесного перевала? – Глинда затушила остатки самокрутки в глиняной миске, стоявшей рядом с ней, и тут же стала скручивать новую. – Он всегда казался мне ничтожеством.

– Айриз не ничтожество, – вырвалось у Валески. Она сама не поняла, с чего вдруг осмелилась вступить в разговор и защищать эльфа от этой незнакомой дамы, но пренебрежительный тон, с которым она отозвалась о нем, почему-то задел девочку. «В конце концов, несмотря на тот прием, который он оказал мне в форте, Айриз мне почти что как старший брат», – подумала она. – «Это не справедливо».

Глинда подняла голову и внимательно посмотрела на нее.

– А это, вообще, кто? – спросила она.

Теперь Валеска была уязвлена еще сильнее.

– Это племянница Джеммы, – сказал Инвар и положил руку Валеске на плечо.

– Надо же, – Глинда снова вернулась к сворачиванию самокрутки, тут же потеряв к Валеске всякий интерес. – Со всем не похожа.

– Что ты думаешь о том, что я написал, Глинда? – спросил Араим.

– Я думаю, что происходит нечто странное, и пока что это странное не очень мне нравится, – Глинда прикурила от свечи, горевшей на столе, и выпустила в потолок струйку зеленоватого дыма. – У меня на болотах все, как обычно, на то они и болота, но вот что странно... Очень много зверей и птиц стало в моих лесах. Мои охотники говорят, что давно не видели так много косулей, зайцев и фазанов.

– Как давно животные пришли на болота? – спросил Инвар.

– Две или три недели назад.

– Очень странно, – сказал Араим.

– Да. И от этого «странно» веет большой, очень большой опасностью, – кивнула Глинда. – Когда я думаю об этом, я ощущаю страх.

– В письме Араима не было одной, самой важной, детали, но тогда мы еще не знали об этом, – сказал Инвар. – Некто сжег лесничество, где мы должны были пережить Срок возвращения душ, и убил его хозяев. Эльфийскими стрелами. Последнее письмо, написанное Айризу нами, было именно об этом.

– Теперь мой страх растет, – задумчиво произнесла Глинда. Потом закашлялась и затушила едва прикуренную самокрутку. – Вот что. Я еще свяжусь с вами, если узнаю что-нибудь. Однако и вы держите со мной связь. Не пишите пи-

сем – это долго и, боюсь, не безопасно.

– Хорошо, – кивнул Инвар.

– И берегите себя, – сказала Глинда и помахала рукой. Поверхность зеркала подернулась дымкой, которая сразу же рассеялась – но теперь в зеркале отражалась комната Валески и сама она, со стоящими за ее спиной Инваром и Араимом.

– Что думаешь, Инвар? – помолчав, спросил Араим.

– Думаю, что дела наши куда серьезнее, чем мы думаем, если даже Глинду обеспокоила эта ситуация, – ответил Инвар. – Но гадать все еще бессмысленно. Надо хоть что-то выяснить наверняка. Возможно, после разговора с Вандой что-то прояснится...

– Кто такая эта Глинда? – перебила его Валеска. – И как она... оказалась в зеркале?

– Глинда – великая ведьма и повелительница Болот. Она была любимой ученицей Гаруны, от которой унаследовала не только свое мастерство, но и власть над Болотами и всеми народами, населяющими их, – ответил Араим. – Она занимала должность Великого мага после Гаруны.

– Гаруны? Но это было так давно!

– А сколько, ты думаешь, ей лет? – спросил Инвар. – Я, например, не берусь судить об этом. Глинда старше, чем многие деревья в твоём лесу.

– Она выглядит не слишком старой.

– Она выглядит так столько, сколько я ее знаю.

– Глинда владеет особой магией, которая не дает ей стариться так, как это присуще людям, – объяснил Араим. – Но власть над возрастом, как и власть над Болотами, дарована ей не просто так. Она вечно должна охранять кусок Небесного камня, того самого, при помощи которого Гаруна смогла победить Фернира Черного. Поэтому она никогда не покидает пределов Болот. Ее вечно молодое лицо видит только она сама и ее слуги.

– Упоминания о Небесном камне снова возвращают меня мыслями к Черному озеру и исчезновению Джеммы, – нахмурился Инвар. – Как ни рад я был видеть Глинду, одно уже то, что она сказала, заставляет меня беспокоиться еще сильнее. Глинда не стала бы бояться понапрасну.

– Глинда умнее тебя и меня, Инвар, – ответил Араим. – Если эта ситуация встревожила ее настолько, что она даже вспомнила свои старые фокусы с зеркалами – а ты помнишь, сколько сил она тратила на них и в прежние времена – мы можем не сомневаться, что она узнает что-нибудь и сообщит нам. Кроме того, Глинда всегда была на нашей стороне, и мы можем полагаться на ее помощь.

– Я думаю, ты прав...

– Кроме того, Инвар, все мы сильно устали. Никто не ожидал, что поездка будет легкой, но и на такое развитие событий мы не рассчитывали, – продолжал Араим. – И сейчас, я

полагаю, лучшее, что мы можем сделать – это привести себя в порядок после дороги, пообедать и поговорить с Вандой.

Они обедали в тронном зале, и снова Валеску потрясло не столько великолепие королевской резиденции, сколько ее размеры. Тронный зал был по площади равнялся едва ли не половине всего Лесного перевала, а его потолок был таким высоким, что для того, чтобы разглядеть его, нужно было закидывать голову.

Здесь тоже были окна с витражами, а на стенах висели портреты представителей правящей династии. Быстро расправившись с едой, Валеска пошла бродить по залу, разглядывая их. Самый большой и красивый портрет висел над королевским тронном, который сам по себе представлял собой произведение искусства – он находился на помосте и был выполнен из резного позолоченного дерева, а обивка его была из красного бархата. На портрете над тронном был изображен еще молодой мужчина с длинными светлыми волосами и красивым, но несколько женоподобным лицом. Его голову украшала массивная золотая корона, и Валеска поняла, что это и есть король Марвин Красивый. Она отметила про себя, что король и леди Ванда не очень похожи друг на друга, и, хотя леди Ванда была по-своему привлекательна, ее грубоватая внешность с крупными чертами лица больше пошла бы мужчине, а утонченная красота короля – женщине.

Когда Валеска вернулась за стол, Инвар и Араим уже поели и теперь болтали с леди Вандой. Они обсуждали людей

и события, которые произошли давно, и Валеска не имела о них ни малейшего представления, но ей все равно было интересно слушать.

– Я часто вспоминаю бал в честь коронации Марвина, – сказал Инвар. – Кажется, это был последний раз, когда все мы собрались здесь вместе. Как быстро летит время, а ведь прошло уже десять лет! Все здесь напоминает мне лучшие дни юности.

– Мне тоже, Инвар, – вздохнула леди Ванда. – Все так изменилось с тех пор. В юности не знаешь о том, какой груз ответственности возложит на тебя жизнь. А тогда из всех нас только Араим по-настоящему знал, что это такое, хотя и был самым юным из нас.

– Вряд ли тогда я осознавал это в полной мере, – сказал Араим.

– Араим стал князем в 14 лет, – объяснила леди Ванда, обернувшись к Валеске. – К сожалению, его отец рано умер. На нашем последнем совместном балу ему было 16, а нам уже по 20, и мы, конечно, считали себя гораздо умнее и опытнее его.

– Что лишь доказывает, что ни то, ни другое не было правдой, – вставил Араим.

– Я помню, как весело нам было, – продолжала леди Ванда. – Инвар уже тогда был не смотрел ни на кого, кроме Джеммы, а за мной ухаживал юный будущий шейх Саид. Это было так трогательно.

– Кстати, почему ты так и не вышла за него замуж? – спросил Инвар. – Мне казалось, ты была вовсе не против его внимания.

– Я и сейчас не против, но как оставить дела? Ты знаешь, многие вещи, которые моему брату не интересны, для него просто не существуют, и в людях он разбирается не слишком хорошо, – леди Ванда немного понизила голос. – Возможно, когда он женится и обзаведется наследником, и я подумаю об этом. Но не раньше, чем пойму, что мне есть, кому передать заботы.

– Да, много воды утекло с последнего бала, – покачал головой Инвар.

– А почему балы с тех пор больше не проводили? – спросила Валеска.

– Балы проводили, – ответила леди Ванда, – После смерти нашего отца их стало даже больше, и они стали веселее и ярче, но не было былого единства. Нас всех – Марвина, меня, Инвара, Араима, Джемму и еще нескольких наследников разных земель нашего королевства – наши родители готовили к тому, что однажды все мы должны будем стать единым целым ради будущего наших земель. Мы росли с убежденностью в этом – даже Инвар и Араим, чьи земли традиционно были достаточно автономны. Наш отец каждый год собирал всех нас здесь. Но, когда Марвин взошел на трон, все изменилось. Мой брат... в общем, это не так уж важно.

Повисло несколько напряженное молчанье, и Валеска по-

жалела, что задала свой вопрос.

– Так или иначе, пора бы перейти к делу, – нарушила тишину Ванда. – Покажите мне те письма, что пришли в форт.

Инвар выложил на стол оба письма, и Ванда некоторое время внимательно изучала их.

– Да, эти письма не поддельные, – сказала она. – Их действительно отправили из королевской канцелярии. Проблема лишь в том, что каждое такое письмо пишется с моего ведома и по моему приказу. А я не отдавала никаких приказов.

– Кто-то мог сделать это без твоего ведома?

– Даже Марвин не смог бы, – покачала головой леди Ванда. – Сомневаюсь, что он вообще хорошо представляет себе, сколько у нас гарнизонов и где они расположены. Нет, Марвин не мог. Кроме того, здесь стоит печать королевской канцелярии. Она хранится в моем кабинете под замком.

– Мог кто-то подделать твою печать?

– В любом случае, для этого нужно было бы завладеть ею хотя бы на короткое время так, чтобы я не узнала об этом.

– Кто имеет доступ в твой кабинет?

– Без меня – никто. Но у меня есть два советника, которые бывают в кабинете. Кроме того, иногда ко мне приходит Фенгадир Мудрый, чье имя вам, безусловно, известно.

– Кто это? – спросила Валеска.

– Боги, неужели в лесах настолько не интересуются жизнью страны, в которой живут? Это верховный маг королевства!

– А, – Валеска потупилась. «Прекрасно, – подумала она про себя, – Мне удалось выставить душой не только себя, но и весь народ леса». Справедливости ради, впрочем, следовало признать, что имя Фенгадира Мудрого она и правда слышала впервые. Джемма просто не разговаривала с ней о том, что не касалось непосредственно их с Валеской жизни, а другие жители Лесного перевала – и тут Ванда была права – действительно, не проявляли к жизни в столице никакого интереса. Но только теперь Валеска впервые задумалась о том, что это, возможно, не слишком правильно.

– Боюсь, что мы вынуждены будем подозревать всех, – сказал Инвар. – Где сейчас твои советники и маг Фенгадир?

– Лорд Веллис на днях отбыл в свое имение на реке Темной, это на границе Равнин и Леса. Его жена на прошлой неделе родила сына, и он поехал навестить ее. Лорд Вальмар сопровождает на охоте моего брата. Фенгадир должен вернуться завтра. Он совершает традиционный ритуал Приветствия осени в Старой башне, что в Северных пустошах.

– Что же, никого из них нет в замке? Как вовремя они разъехались!

– Да, теперь и я вижу, что это странно. Но это также может быть и совпадением, и я настаиваю на том, что это именно оно, – возразила леди Ванда. – Фенгадир в начале каждого сезона уезжает в Старую башню – каждая его поездка занимает в среднем пять дней. То, что у лорда Веллиса родился сын, я знаю доподлинно – я лично вышила для него одеяльце

и передала его жене Веллиса, когда та собиралась в дорогу накануне родов. Что же касается лорда Вальмара, то я сама отдала ему приказ сопровождать Марвина. И я, по правде сказать, обескуражена тем, что сейчас мне приходится подзревать их в мрачных и загадочных деяниях, поскольку каждому из них я доверяю, как самой себе.

– Вопрос лишь в том, какого рода мрачные деяния задумали те, кто из-за кого пропала Джемма, – сказал Араим. – Сейчас мы знаем слишком мало. Письма от Айриза прекратились, а все, кто мог бы пролить свет на тайну возникновения приказа, который пришел в Лесной перевал, покинули столицу. Нам нужно решить, что делать в этой ситуации.

– Что ж, – Ванда встала из-за стола. – Я прямо сейчас напишу лорду Веллису, чтобы он вернулся в замок, а также свяжусь с лордом Вальмаром и братом и попрошу их немедленно прервать охоту. Что касается Фенгадира Мудрого, он должен быть уже на пути из Северных пустошей, и мое письмо, если я напишу ему, и так застанет его в дороге. Это все, что я могу сделать на данный момент.

– Мне кажется, в первую очередь нужно понять, почему прервалась связь с Лесным перевалом, – сказал Инвар. – Есть ли смысл писать Айризу, если он не отвечает на предыдущие письма?

– Ты прав. Мы поступим по-другому. Я попрошу лорда Веллиса направить в Лесной перевал его людей. Дорога от Темной до форта займет для его солдат не больше суток

пути.

– Это хорошо, если мы исходим из того, что никто из этих людей не мог предать. Я говорю о твоих советниках и Фенгадире.

– Инвар, – Ванда подошла к нему ближе. Ее глаза сверкали. – Никто и никогда не усомнился бы в том, что люди, которые служат мне, верны мне до последней капли крови. И я отказываюсь их в чем-либо подозревать, пока на то не будет веских оснований.

– Тогда, может быть, ты можешь объяснить, откуда взялись письма, которые получила Джемма?

– Ванда, Инвар, – Араим тоже поднялся из-за стола. – Этот спор не стоит того, чтобы его затевать. Никто не знает ничего доподлинно. Мы должны действовать сообща.

– Ты прав, – сказал Инвар. – А я – нет. Прости, Ванда.

Леди Ванда сжала губы, но помолчав несколько секунд, справилась с гневом и протянула Инвару руку.

– Араим прав. Прости и ты меня, Инвар. Вы устали. Вам нужно отдохнуть, а мне – как следует подумать. Прошу вас, отдохайте до ужина. Возможно, мне удастся узнать или вспомнить что-то, что поможет нам в нашем деле.

– Все это странно, – сказал Инвар, когда они вернулись в свои комнаты. – Странно и непонятно. Теперь я обеспокоен еще сильнее. И мы ничего не можем сделать, черт возьми! А жизнь Джеммы может зависеть от каждой секунды нашего промедления.

– Инвар, твой камень показывает, что Джемма в беде, но жива, – стал терпеливо объяснять Араим. – Не стоит корить себя за то, над чем ты не имеешь власти. Ванда была права, когда говорила, что всем нам нужен отдых. Приляг. Мы почти не спали в последнее время.

– Хорошо, хотя и не думаю, что мне удастся заснуть, – с этими словами Инвар удалился к себе. Валеска поняла, что и ей нужно идти. Но прежде она решила задать Араиму вопрос, который мучал ее с обеда.

– Послушай, Араим, – сказала она. – Пока Инвара нет, я хочу спросить кое-что. Ты поддержал мое желание ехать с вами потому, что... ну, потому что ты сам стал князем так рано? Я не знала об этом.

– Нет. По правде сказать, про это я даже не думал, – ответил Араим.

– А почему тогда?

Эльф пожал плечами и улыбнулся.

– Я посчитал, что у тебя есть веские причины ехать, – сказал он.

Валеска уже было поверила ему, но тут – буквально на десятую долю секунды – в глазах эльфа мелькнуло что-то такое, что она отчетливо поняла: Араим лжет. Валеска никогда не смогла бы объяснить, что именно заставило ее моментально убедиться в этом, но теперь она была точно уверена – но не в том, что эльф сказал ей *неправду*, а в том, что он не сказал правды. Это было неожиданно. И Валеска поняла,

что впервые за все это время она испугалась – но не лжи эльфа, а того, что стояло за ней. Очень скоро она узнала, что это было.

Валеске не хотелось спать, а сидеть в комнате в одиночестве было скучно. Она вспомнила о крестьянине, у которого они ночевали, и пошла к Инвару. К счастью, тот еще не успел уснуть и легко согласился отпустить Валеску прогуляться и поискать крестьянского сына.

– Вряд ли с тобой здесь что-нибудь случится, – сказал Инвар, вынимая из кошелька три серебряные монеты, – Но все-таки постарайся быть осторожной. Все же это место для тебя совсем новое.

Валеска горячо пообещала, что никаких проблем ее прогулка никому не доставит. Она была довольна, что все устроилось так легко. Больше всего она опасалась, что с ней могут отправить Адель. Фрейлина не производила впечатления веселого партнера для совместного времяпрепровождения.

Девочка вышла из дворца и пошла наугад. Все здесь выглядело необычным и интересным: приземистые каменные постройки, склады, люди в разнообразной форменной одежде. Людей было очень много – в Лесном перевале за месяц можно было не встретить такого их количества, которое ежеминутно встречалось здесь.

Обогнув одну из стен дворца, Валеска прошла сквозь ар-

ку моста, соединяющего одно из его крыльев с крепостной стеной, и оказалась словно в другом мире. С одной стороны от нее высились казармы. Это были длинные двухэтажные строения, напротив которых располагались конюшни. Конюшни выглядели бесконечными – они тянулись и тянулись вдоль улицы. «Здесь, наверное, помещается целый табун лошадей!», – подумала Валеска.

Люди здесь встречались в основном только военные. Они носили синие камзолы, расшитые серебром.

Миновав казармы и конюшни, Валеска вышла на небольшую площадь, образованную сходящимися здесь стенами крепости. В углу площади располагался вход в башню, а рядом несколько десятков мальчиков и девочек примерно валескиного возраста, выстроившись в ряд, стреляли из луков по мишеням, установленным вдоль противоположной стены. Мишени представляли собой набитые травой мешки, стоящие на деревянных треногах. Мальчики и девочки выглядели очень сосредоточенными. Они безукоризненно ровно старались держать свои луки, а локоть руки, державшей стрелу, задирали едва ли не выше уха. За всем этим наблюдала невысокая русоволосая девушка не многим старше их. Когда кто-то промахивался или совершал какую-то другую ошибку, девушка кричала:

– Веста, кто так стреляет? Соберись! Вед, руку ниже, локоть ровнее! Кто учил тебя так держать стрелу?!..

Увидев Валеску, девушка крикнула ей:

– Девочка, что тебе надо? Сюда нельзя! Идет тренировка!

– Я ищу Василя! – крикнула ей в ответ Валеска.

– Василя? – девушка подошла к ней. У нее был смешной вздернутый нос, усыпанный веснушками, и вблизи она чем-то напоминала мышь. – Зачем он тебе?

– Я приехала с князем Инваром, – объяснила Валеска. Девушка удивленно уставилась на нее. – Мы ночевали в доме отца Василя, и он попросил передать деньги за постой его сыну, который служит в столице в гвардии.

– Служит? – девушка усмехнулась. – Что ж, отец Василя, видимо, не знает всей правды. Ты говоришь, что приехала с господином Инваром?

– Да, я его племянница. Меня зовут Валеска.

– Ох, – девушка повернулась к подросткам, которые, стоило ей отвлечься, принялись шептаться и толкаться, и крикнула им:

– Продолжайте тренировку! Я все вижу!

Потом она снова повернулась к Валеске.

– Меня зовут Висла, – сказала она. – Я учительница Василя. Он в моем классе. Конечно, он еще не в гвардии, для этого он слишком молод. Он кадет. У тебя есть минутка?

– Минутка? – не поняла Валеска. – Да, а что?

– Идем. Вообще-то я не должна тебя просить об этом, но я уже не знаю, что делать с этим мальчишкой.

Висла провела ее через двор, они вошли в башню и поднялись по лестнице на крепостную стену. Здесь тоже кипе-

ла жизнь, и Валеска с интересом вертела головой по сторонам, разглядывая стражников, несших здесь своего дежурство. Многие из них были вооружены тяжелыми арбалетами, которых Валеска никогда раньше не видела, их стальные доспехи блестели на солнце, вышитые стяги развивались на высоких древках.

Висла и Валеска обошли башню с другой стороны, и обнаружилось, что в ее стене есть низкая дверца и крошечное окошечко с толстой решеткой. Висла отперла дверку и, заглянув внутрь, позвала:

– Выйди сюда, Василь. К тебе пришли.

Из комнатухи, в которую вела дверца, вышел, согнувшись в три погибели, высокий худой мальчик валескиного возраста. Щурясь на солнце, мальчик напустил на себя как можно более независимый вид и засунул руки в карманы.

– Чего надо? – буркнул он.

– Как ты разговариваешь, Василь! Хочешь остаться в карцере еще на пару дней? – строго спросила Висла. – К тебе пришла дорогая гостья – племянница князя Инвара.

– Ну и что? – также угрюмо ответил мальчик. – Не знаю я никакого господина Инвара.

– Василь! – у Вислы все лицо пошло красными пятнами от гнева. Валеске стало неловко. Она не понимала, что происходит, и как любой человек, ставший свидетелем чужой некрасивой сцены, очень хотела поскорее уйти. Однако уходить теперь тоже было неправильно, и она поспешила ска-

зять:

– Я только хотела отдать тебе деньги, которые мы задолжали твоему отцу за ночевку у него.

– За ночевку? – Василь покосился на нее. – Что же вы не отдали их отцу?

– Он не захотел их брать и убедил господина Инвара, что лучше будет отдать их его сыну-кадету гвардии, который живет в столице. Кадету, Василь! – укоризненно сказала Висла. – Верно, твой отец и знать не знает о том, что ты со дня на день вылетишь из гвардейской школы?

– И незачем ему знать, – пробормотал Василь, потупившись. Валеска протянула ему три серебряных, он неловко взял их и сунул в карман.

– Твой отец – достойный и уважаемый человек, Василь, – продолжала Висла. – А ты только позоришь его своим поведением. Как ты разговариваешь с гостьей? Как ты говоришь со мной? Посидишь в карцере до завтрашнего вечера – может быть, успеешь задуматься над своим поведением.

– До завтрашнего вечера?! – возмутился Василь. – Да как так?! Ты же обещала, что я сегодня выйду!

– А вот научись сперва себя вести, – ответила Висла и указала ему на дверь, – Ну, а теперь марш обратно.

– Что он такого сделал, что вынужден сидеть в этом ужасном месте? – спросила Валеска, когда они спускались со стень.

– А то ты не видела, что! – воскликнула Висла. – Мало

того, что он дерзит мне, он и тебе успел нагрубить! И это происходит постоянно! Еще раз такое поведение повторится, и он отправится домой – прямо из карцера. Хотя мне и жаль порой Василя. У него есть способности, и парень он неплохой, да вот только характер – не будет ему от него счастья.

Они спустились со стены, и Висла напоследок пожала Валеске руку.

– Приходи к нам, – сказала она. – Научу тебя стрелять из большого лука или из арбалета. Вижу, ты не кисейная барышня, в замке сидеть с фрейлинами тебе будет скучно.

– Спасибо! – Валеске было приятно. Она решила, что обязательно воспользуется приглашением.

Несмотря на то, что Валеске понравилась Висла – она показалась ей вполне справедливой, а ее строгость девочка списала на то, что Висла была не многим старше подростков, которых ей нужно было учить – из головы у нее не шел Василь, который сидел в карцере. Валеска пыталась представить себе – каково это: сутками торчать в тесном и темном помещении, где не то что заняться нечем – ноги толком не вытянешь. Но Василь, и правда, вел себя довольно грубо. С этим она тоже была согласна. Неизвестно, как бы вела себя сама Валеска на его месте. Размышляя об этом, она не заметила, как пролетел день до вечера. На следующее

утро за завтраком леди Ванда сообщила, что и король Марвин, и Фенгадир Мудрый планируют вернуться в Орлиную крепость к ночи.

– А что же лорд Веллис? – спросил Инвар. – Он ответил тебе?

– Пока нет, – леди Ванда покачала головой. – Все это довольно странно, не правда ли? Теперь и я начинаю серьезно волноваться.

– Что ж, до вечера много времени, – сказал Араим. – Я бы хотел посетить библиотеку замка, если можно.

– О чем ты говоришь? Ты даже не должен спрашивать о таких вещах! – воскликнула леди Ванда. – Адель проводит тебя.

– Библиотека? – наострила уши Валеска. – О, пожалуйста, можно и мне пойти?

– Какая тяга к знаниям! – засмеялась леди Ванда. – Никогда не видела девочек твоего возраста, упрашивающих отпустить их в библиотеку.

Оказалось, что королевская библиотека не уступает по размеру тронному залу дворца. Стеллажи с книгами и манускриптами теснились вдоль стен, от пола до потолка. Свет попадал сюда сквозь стеклянный купол потолка.

Остальная обстановка библиотеки выглядела строго: прямо напротив двери располагался камин, а напротив него стоял письменный стол и несколько старых кресел в потертых шелковых чехлах.

– Вот это да! – Валеска удивленно разглядывала вздымавшиеся к потолку книжные шкафы. – Здесь, наверное, хранятся все когда-либо написанные книги!

– Ты любишь читать? – спросил Араим.

– Да, когда есть, что, – Валеска пошла вдоль стеллажей, читая названия книг, оттиснутые на корешках. В основном здесь было что-то слишком сложное для нее. Например, один из томов назывался «Трактат о собирательстве налогов». – Но у нас в Лесном перевале были только летописи и «История королевства». И еще сборник рассказов о далеких землях, которые составлял учитель в школе. Все это я давно прочитала.

– Думаю, ты без труда найдешь здесь что-нибудь интересное для себя, – сказал Араим. Он тоже ходил вдоль стеллажей, разглядывая корешки книг, и явно что-то искал.

– Наверное, – Валеска сняла с полки одну из книг. «Замечания о мелиорации». Она поставила ее на место. – Давай, я лучше помогу тебе? Что ты ищешь?

– Что-то об истории Великой войны, – Араим остановился около одной из полок, но тут же пошел дальше.

– Вас, должно быть, заинтересует этот ряд, – раздался рядом чей-то сухой, надтреснутый голос. У камина стоял худощавый пожилой мужчина в аккуратном костюме. У него была седая бородка клинышком.

– Я библиотекарь, – сказал мужчина. – И готов найти для вас любые издания, если только они есть в нашем собрании.

– В таком случае, мне нужно все труды, где можно встретить упоминания о Великой войне и битве у Черного озера, – ответил Араим. – Не важно, что это будет – летописи, воспоминания...

– Я понял вас, милорд, – с этими словами библиотекарь учтиво поклонился. – Сейчас все будет исполнено.

И действительно: меньше, чем через полчаса, Араим уже утопал в тяжелых томах, которые библиотекарь один за другим приносил к креслу, в которое уселся эльф, и останавливаться старик явно не собирался.

Валеска наблюдала за Араимом и не понимала, что именно он ищет: большую часть книг эльф просто пролистывал и тут же откладывал в сторону, в других пробегал глазами страницу или две и тут же открывал следующий том.

Валеске стало скучно, и она взяла из стопки книгу, которая Араима не заинтересовала, и стала листать ее. Это был один из томов «Жития короля Матиаса Умного». Валеска имела общие представления об этом короле и о его житии. Большею частью это было потому, что именно при Матиасе Умном Леса стали частью королевства, и именно с Матиаса Умного в Лесах велся отсчет времен – все, что было раньше, считалось «древними временами», а все, что позже – «новыми».

– Эти книги такие толстые. Что именно ты ищешь? Здесь везде упоминается Великая война.

– Сам точно не знаю, – ответил Араим, не поднимая го-

ловы от книги, – И это, конечно, не способствует успешным поискам.

Валеска просидела с ним в библиотеке до самого обеда. За это время она успела прочесть несколько глав из «Жития короля Матиаса» – те, что касались Лесного перевала.

«И король заявил: здесь мы будем стоять; и велел возвести твердыню, равной которой не было. И король взял человека из своего окружения; его имя было Владарад. И король сказал: будешь княжить в Лесах, как мы желаем того».

Владарад был прадедом Валескиного деда. Читать про него она могла бесконечно. В такие моменты она чувствовала себя частью чего-то очень большого, и, что было даже важнее, чего-то бесконечного, некоего потока, который величаво нес Валеску и всех других людей, которые составляли его суть, из прошлого в будущее, и без каждого из тех, кого он несет, ни прошлое, ни будущее не существовали.

Наконец, Араим глубоко вздохнул и захлопнул очередной том.

– Я чувствую, что должно быть что-то, – сказал он не Валеске даже, а как будто самому себе, – Но не могу это нащупать. Должен быть ответ на вопрос.

– На какой вопрос? – спросила Валеска.

– На вопрос, что связывает поддельное письмо из столицы, Джемму и Черное озеро, – ответил Араим.

За обедом Инвар и леди Ванда обсуждали отсутствие вестей от лорда Веллиса.

– Я просто пошлю к нему людей с ближайшей заставы, – сказала леди Ванда. – Пусть выяснят, что к чему.

– Как ты хочешь связаться с заставой? – спросил Инвар. – Ведь мы не можем понять, что происходит с птицами. Связь нарушена со всеми гарнизонами к югу от столицы.

– Тогда я пошлю к Веллису своих гонцов.

– Сколько времени им понадобится, чтобы добраться до его резиденции?

– Не более суток.

– Что ж, это не будет лишним.

– Скорее бы приехал Фенгадир, – леди Ванда встала и прошлась туда-сюда по залу. – Или хотя бы мой брат и лорд Вальмар. Я возлагаю на них большие надежды. Вместе мы сможем разобраться в этой ситуации.

После обеда Араим снова засобирался в библиотеку, но Валеска решила не ходить с ним. Она не могла принести эльфу пользы в поисках того, о чем он сам имел лишь весьма отдаленное представление, а просто сидеть с книгами целый день было скучно, хотя Валеска на самом деле любила читать. Она решила воспользоваться приглашением Вислы прийти на стрельбище, и эту идею поддержала леди Ванда.

– Висла сама прекрасный стрелок, и молодежь учит хорошо, – сказала она. – Конечно, ты можешь пойти, Валеска. С другими ребятами тебе будет повеселее, чем с нами.

Перед тем, как пойти на стрельбище, Валеска зашла к себе, чтобы взять куртку – к вечеру становилось уже прохладно. Войдя, она услышала за гардиной, отделявшей ее комнату от комнаты Инвара, странный шорох. Затаив дыхание, Валеска застыла на одном месте. Шорох повторился. Судя по звуку, кто-то тихо копошился у кровати князя.

Стараясь не дышать и ступать как можно тише, Валеска подкралась к гардине и резко отдернула ее. Она была готова увидеть за ней кого угодно, но это была всего лишь Адель. Валеска застала ее в тот момент, когда фрейлина, склонившись над лежавшей на кровати рубахой Инвара, аккуратно срезала с нее пуговицу.

– Что ты делаешь? – удивилась Валеска.

Адель резко выпрямилась и испуганно обернулась, да так и застыла. Ее щеки медленно заливал румянец, в руке она сжимала пуговицу.

– Да вот... зашла починить одежду господину Инвару, – пробормотала фрейлина.

– Починить? А Инвар просил тебя об этом?

– Нет. Я... я обычно не жду, когда меня попросят... это входит в обязанности...

– А зачем тебе пуговица? – спросила Валеска.

– Пришить.

– Да ты ее только что отрезала! Не знаю, что ты затеваешь, но мне это не нравится! – воскликнула Валеска. Она правда не понимала, зачем Адели понадобилась пуговица от рубаш-

ки князя, но то, что она решила завладеть ею тайно, ничего хорошего не предвещало.

Внезапно Адель разрыдалась и бросилась к Валеске. Схватив ее за руку, она заверещала:

– О, пожалуйста, только не говори никому об этом! Я знаю, что то, что я сделала, очень плохо! Не знаю, что и толкнуло меня! Это как наваждение! Пожалуйста, Валеска!

«Она и имя мое внезапно вспомнила», – удивилась Валеска.

– Хорошо, – нерешительно сказала она. – Я, может, и не скажу ничего Инвару, если ты мне объяснишь, зачем тебе понадобилась эта пуговица.

– Я хотела приворожить господина Инвара, – Адель отвела глаза и снова густо покраснела. – Я знаю, что это очень плохо...

– Приворожить?! Да ты с ума сошла! – Валеска отобрала у нее пуговицу и сунула в карман. – Как только такое пришло тебе в голову!

– Говорю же, не знаю! – Адель вытерла ладонью слезы, но они продолжали катиться по ее щекам, – Когда я увидела его, я... Не могу это объяснить. Я тот час же в него влюбилась!

– Ну ты и дура! Знаешь что, я и правда не скажу ничего Инвару, но только если ты мне пообещаешь, что никогда больше не будешь пытаться сделать что-то подобное, – сказала Валеска. – И еще ты должна знать: Инвар больше жизни

любит мою тетку. Ее зовут Джемма и она – воевода Леса. Даже если бы ты и правда попыталась его приворожить, это все равно бы не сработало, потому что у них настоящая любовь!

– Спасибо, что никому не скажешь, – Адель шмыгнула носом и, быстро взглянув на Валеску, добавила:

– А твоя тетка... она красивая?

– Очень!

– И она его тоже любит?

– Больше, чем саму себя!

– Ну что ж, – Адель глубоко вздохнула. – Я и правда очень глупая. Прости меня. Я попрошу леди Ванду, чтобы она дала вам другую фрейлину.

– Это уж как тебе угодно, – сказала Валеска, и Адель выбежала из комнаты.

– Пуговицу обратно пришей! – крикнула девочка ей в след, но дверь за фрейлиной уже захлопнулась.

«Вот глупая», – подумала Валеска. Покрутив пуговицу в руках, она достала из дорожного набора нитку и иголку и пришила ее на место сама.

Поступок Адель плохо укладывался в ее голове – Валеска никогда не относилась к подобным вещам серьезно и вера в привороты всегда казалась ей уделом пожилых тетюшек и сумасшедшей старой ведьмы, той, что жила в Лесном перевале.

Вспомнив о ведьме, Валеска нахмурилась. Мрачные мысли обо всем происходящем, которые постоянно клубились,

как тучи на горизонте, где-то на границе ее сознания, вдруг придвинулись ближе. Вспомнилась Джемма. Валеска твердо решила, что нужно срочно бежать на стрельбище, к Висле. Ей хотелось отвлечься и хотя бы до вечера отсрочить приход черных мыслей-туч.

Когда Валеска пришла, оказалось, что занятия только-только закончились. Несколько кадетов убрали мишени в угол двора, и Вислы уже не было. Вздохнув, Валеска повернула обратно.

«Значит, буду сидеть в библиотеке и читать книжки», – подумала она. – «А потом кто-нибудь, наконец, придет...».

– Эй! – крикнул кто-то. Валеска оглянулась. Неподалеку с метлой в руках стоял Василь. Он, видимо, должен был подметать солому, летевшую при удачных выстрелах из мишеней, но это у него получалось плохо – соломы под ногами было полно.

– Вислу ищешь? Она уже ушла.

– Я поняла, – вздохнула Валеска. – Ну, что ж. Приду завтра.

– А ты правда приехала с князем Инваром? – спросил Василь. – И он тоже приехал?

– Конечно приехал! Ты что, глухой и не слышал, как Висла говорила об этом в тот раз, когда мы приходили к тебе в карцер?

– Да мало ли, что она говорит, – с досадой ответил Василь. – Она только и делает, что придирается ко мне. Я и не поверил.

– А за что она к тебе придирается? – спросила Валеска.

– Да за все! Ей все не нравится. Это потому, что я самый способный из ее учеников, – Василь горделиво задрал подбородок. – Это все признают. И уже в этом году меня переведут из учебки в гвардию. А Висла была в учебке три года. Она просто мне завидует.

– Знаешь, если ты ведешь себя так постоянно, то я ее понимаю, – сказала Валеска. – Людей, которые так задаются, никто не любит.

– Ты мне не веришь?! – обиделся Василь.

– Да какая разница? Даже если ты и правда лучший кадет, это не дает тебе права вести себя подобным образом. Ладно, – Валеска махнула рукой. – Я пойду, раз стрельбы кончились.

– Подожди, – сказал Василь. Он выглядел немного пристыженным. – Если хочешь, я могу показать тебе, как стрелять из большого лука.

– Ты ведь двор метешь? Вот и мети. А то Висла снова будет ругаться и посадит тебя в карцер. А я пойду обратно. Скоро приедет Верховный маг Фенгадир.

– А он уезжал? – удивился Василь.

– Конечно, леди Ванда сказала, что его уже несколько дней нет.

– А я его вчера видел.

– Видел?

– Да! Когда сидел в карцере. Там ведь скучно просто до смерти. Глазел в окошко.

То, что рассказал Василь дальше, звучало странно. По его словам выходило, что прошлой ночью, разглядывая в оконце карцера луну, которая едва пошла на убыль и светила очень ярко, он увидел, как на секунду ее диск закрыла большая тень. Тень оказалась птицей – но таких исполинских размеров, каких в природе попросту не существует. Она была больше среднего человека. Пернатое чудовище стало снижаться и вскоре приземлилось прямо у двери карцера. В этом месте традиционно лежала глубокая тень от башни, а дозорные были далеко. Отряхнувшись, как после дождя, птица повела в разные стороны своим исполинским клювом и, взмахнув крыльями, неожиданно превратилась в человека, с головы до ног укутанного в длинный черный плащ. Еще раз оглянувшись, человек быстрым шагом прошел мимо Василя, который от страха вжался в стену.

– И клянусь тебе! – резюмировал мальчик. – Это был Фенгадир! Уж я прекрасно знаю, как он выглядит, и, когда свет луны упал на его лицо, я успел его разглядеть. Так что, если он и уезжал, то вчера ночью возвращался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.